

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

ВЗАПЕРТИ

Същик Его Величества

Николай Свечин

Взаперти

«Автор»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Свечин Н.

Взаперти / Н. Свечин — «Автор», 2021 — (Сыщик Его Величества)

ISBN 978-5-04-112877-7

Конец 1911 года. Столыпин убит, в МВД появился новый министр Макаров. Он сразу невзлюбил статского советника Лыкова. Макаров – строгий законник, а сыщик часто переступает законы в интересах дела. Тут еще Лыков ввязался не в свое дело, хочет открыть глаза правительству на английские происки по удушению майкопских нефтяных полей. Во время ареста банды Мохова статский советник изрядно помял главаря. Макаров сделал ему жесткий выговор. А через несколько дней сыщик вызвал Мохова на допрос, после которого тот умер в тюрьме. Сокамерники в один голос утверждают, что Лыков сильно избил уголовного и тот умер от побоев... И не успел сыщик опомниться, как сам оказался за решеткой. Лишенный чинов, орденов и дворянства за то, чего не совершал. Друзья спешно стараются вызволить бывшего статского советника. А между тем в тюрьме много желающих свести с ним счеты...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112877-7

© Свечин Н., 2021
© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	36
Глава 5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Николай Свечин

Взаперти

Глава 1

«Вернусь – и поговорим...»

Двадцать пятого августа 1911 года Лыков зашел в приемную Курлова и вопросительно посмотрел на Сенько-Поповского. Тот развел руками:

– Никак не получается, Алексей Николаевич. С утра в бегах, я его почти не видел.

Сенько-Поповский был личным секретарем генерал-лейтенанта Курлова по его должности товарища министра внутренних дел. Умный, трудолюбивый и порядочный, он умел ладить со всеми и, случалось, подправлял своего высокомерного шефа. Сейчас Лыкову нужно было получить от Курлова согласие на встречу со Столыпиным. Секретарь обещал устроить доклад, но уже второй день Курлов не находил времени. Он только что вернулся из Белгорода, куда уезжал по делам охраны государя. Царская семья собиралась посетить этот город, чтобы присутствовать на открытии мощей святителя Иоасафа. Оттуда проехать в Киев на маневры, затем – в Чернигов и Овруч, и уже оттуда в Крым до конца осени. Генерал отвечал за безопасность поездки и метался между указанными городами. Всего на два дня он вырвался в Петербург и ночью должен был отбыть в Киев. А без его согласия статский советник не мог получить аудиенцию у премьера.

– Где он сейчас, Леонид Андреевич?

– На Фурштатской, в штабе корпуса. Отдыхает у себя на квартире после беготни. Сами понимаете...

Лыков понял. Две недели назад в Киеве у Курлова случился удар. Несильный, но выбивший его из колеи. Утомившись за полдня, Павел Григорьевич решил отдохнуть у себя на Фурштатской, 40... По второй должности генерал-лейтенант состоял командиром Отдельного корпуса жандармов и жил в казенной квартире.

– Сюда заедет или оттуда сразу на вокзал? Может, мне там его ловить?

Сенько-Поповский убежденно ответил:

– Обязательно заедет. У него в шесть часов встреча с вашим Зуевым по неотложным делам Департамента полиции. Вот вместе с Нилом Петровичем и приходите. Вы насчет Майкопа хлопчете, я правильно помню? Об этом хотите разговаривать со Столыпиным?

– Об этом, Леонид Андреевич. Всем почему-то наплевать на наши экономические интересы. Но нельзя же совсем мозги растерять? Нет, я этого так не оставлю, буду бороться.

В начале лета Лыков вернулся из командировки в Екатеринодар¹, взволнованный открывшимися там обстоятельствами. Оказалось, нефтяные поля Майкопа попали под контроль английских промышленников. Пусть бы так: русского капитала для дорогостоящих проектов не хватает, нехай иностранцы помогают. Но в этом случае британцы скупили более девяноста процентов всех нефтеносных участков Кубанской области! Явный перебор в ущерб нашим национальным задачам. А главное, купили вовсе не для того, чтобы добывать нефть, а с целью заткнуть тамошние скважины. Не дать им развиваться, а самим – получить сверхприбыли от эксплуатации нефтяных залежей в Баку и Грозном. В результате треть по богатству месторождение России было обречено на умирание – втайне от властей.

¹ См. книгу «Кубанский огонь». (Здесь и далее – примеч. авт.)

Возмущенный увиденным, сыщик начал ходить по столичным кабинетам и бить тревогу. Быстро выяснилось, что никого в Петербурге это не беспокоит. Алексею Николаевичу советовали забыть о Майкопе и заниматься своими прямыми обязанностями. А не докучать начальству... Первым в таком духе высказался сам Курлов. Статский советник не унялся и добился встречи с министром финансов Коковцовым и министром промышленности и торговли Тимашевым. Оба сановника затратили на беседу по пять минут, взяли для изучения доклад, подготовленный сыщиком, и выпроводили его вон. Встречи не имели никаких последствий. А ведь именно Тимашев отвечал за развитие отечественных производительных сил. Ученик и давний сослуживец Коковцова, он перенял у шефа его безразличие и апломб, а тут какой-то мелкий полицейский чин бьет тревогу. Шел бы лучше жуликов ловить!

Алексей Николаевич понял, что ему нужны союзники. Таковыми с самого начала были военные. Сухомлинов² следом за Лыковым прислал в Екатеринодар своего офицера, капитана Продана, с заданием разузнать, что происходит на нефтяных промыслах области. Нет ли там засилья иноземцев? Каковы перспективы добычи важнейшего для армии и флота топлива? Капитан, старый приятель сыщика, провел секретное дознание и убедился, что англичане сознательно губят месторождение. При попустительстве администрации Кубанской области. Лыков несколько раз встречался с ним по возвращении в столицу. Игорь Алексеевич с грустью рассказал, что рапорт он министру вручил, а толку от этого шиш. Сухомлинов занят домашними делами и все более манкирует службой. Вроде бы он разделяет беспокойство контрразведки, на словах готов помогать. Но на деле не так. Нужна поддержка сильных мира сего, которым не безразлична экономическая безопасность империи. Например, Столыпина. Он патриот и умный человек, хотя в последнее время и забронзовевший.

Алексей Николаевич стал готовить новый рапорт – на имя премьер-министра. Чтобы подкрепить свои идеи, он советовался с генерал-майором Таубе. Тот отошел от непосредственного руководства военной разведкой, читал лекции в Академии Генерального штаба, заседал в Совете Военного министерства. Виктор Рейнгольдович как никто другой знал англичан и их давнюю неприязнь к России. Много лет он сталкивался с британской секретной службой на отрогах Тянь-Шаня, боролся с ее агентурой в Средней Азии, создавал нашу сеть в Индии. Таубе дал другу ценные советы. Он предложил инициировать несколько статей в прессе о событиях на Майкопских промыслах. А еще организовать соответствующий запрос в Государственной думе. Столыпин наладил тесное сотрудничество с думскими партиями и не сможет игнорировать их обеспокоенность нефтяными делами.

Лыков с Таубе и Проданом разработали целую программу по спасению «майкопского чуда», которое угасало на глазах. Сейчас требовалось решение премьер-министра о поддержке русских нефтепромышленников. Вот для этого сыщик, которого Столыпин хорошо знал и ценил, и рвался к нему на доклад. Однако опять случилась заминка. Петр Аркадьевич получил от государя двухмесячный отпуск и уединился в своем имении Колноберже до конца августа. Лишь дважды за все лето он ненадолго появился в столице.

Июльский визит сыщик упустил и очень надеялся на второй приезд премьера³. Но снова не вышло. Начальство спешно командировало статского советника в Забайкалье. Там строилась Амурская железная дорога. Огромные деньги, большое количество случайных людей и близость каторги сделали стройку весьма привлекательной целью для бандитов. Вдоль полотна были разбросаны поселки, в которых жили богатые инженеры и подрядчики. Каждый день кого-то из них грабили и убивали. Поселки были переполнены всяким сбродом: ссыльными, беглыми каторжниками, китайскими спиртоносами, золотоискателями, спившимися военными топографами, японскими шпионами... Крупная народнохозяйственная стройка превра-

² Сухомлинов В. А. – военный министр.

³ Второй приезд Столыпина в Петербург длился с 1 по 5 августа 1911 года.

тилась в уголовное Эльдorado, в гнойник, стоивший многим жизни. Особенно усердствовали кавказцы. Они открыли на будущих станциях «столовые», а в действительности уголовные притоны, где квартировали банды. Хозяева заведений содержали их и скупали кровавую добычу. Лыков еще в Иркутске познакомился с грабительской организацией сибирских кавказцев⁴. Когда у Приамурского генерал-губернатора Гондатти⁵ лопнуло терпение, он телеграфировал в столицу и попросил прислать волкодава.

Алексей Николаевич прибыл в только что учрежденный городок Алексеевск, названный так в честь наследника-цесаревича. Год назад это был грязный поселок Суражевка, знаменитый огромным железнодорожным материальным складом. Еще здесь Зея впадала в Амур и делала его судоходным. То есть в городке пересекались две транспортные артерии, поэтому отбоя от преступного элемента не было. Сыщик приехал инкогнито, с одним лишь Азвестопуло, и устроил в Алексеевске базис. Они быстро выявили сорок (!) притонов, в каждом из которых жила своя банда. Самыми сильными считались кутаисцы, их подпирали «международные силы» – турки и курды. В одну ночь все притоны были захвачены полицией, при поддержке казаков. Уголовных засадили в тюрьму, а их покровителей, имевших чистые документы, выслали обратно на Кавказ и запретили возвращаться. Так Амурская железная дорога была очищена от сброда, а Лыков снова не попал к Столыпину.

Теперь, в конце лета, премьер-министр уже вовсю трудился на своем хлопотном посту. Но попасть к нему было невозможно: за отпуск у просителей накопилось множество дел. Скромный статский советник всегда оказывался в конце очереди. Затем Столыпин тоже собрался в Киев. Вместе с государем он должен был присутствовать на маневрах Киевского военного округа. В последних числах августа он уедет. Оставалось всего два дня, даже полтора. А тут Курлов никак не мог найти минуту, чтобы встретиться с подчиненным и дать согласие на разговор...

– Ну, до вечера, Леонид Андреевич. Подготовьте нашего шталмейстера, будьте добры. Чтобы знал, что статский советник Лыков будет его терроризировать...

– Подготовлю непременно.

Курлов, помимо чина генерал-лейтенанта, имел также придворное звание шталмейстера, что служило поводом для насмешек за его спиной. Вообще-то военные состояли в Свите Его Величества. Но товарищу министра и командиру корпуса жандармов места в свите не нашлось.

До встречи с начальством Алексей Николаевич успел повидаться со знаменитым журналистом Меньшиковым. Лучший публицист суворинского «Нового времени» мог привлечь общественное внимание к майкопским порядкам хлесткой статьей и был готов помогать. Все знали: «Новое время» – единственная газета, которую государь читал ежедневно... Сыщик рассказал Михаилу Осиповичу, что творится на Кубани. Меньшиков был ошарашен и несколько раз переспрашивал собеседника:

– Неужели это правда? Девяносто два процента участков у англичан? И они закрывают скважины? Куда же смотрят власти?

– Местные – в отчеты. Англичане платят арендную плату? Да, и вполне исправно. Больше ничего казаков не интересует.

– А столичные?

– Столичные не занимаются такими вещами. Делают вид, что это их не касается, пусть решают на местах. И еще есть подтекст...

Статский советник многозначительно замолчал. Журналист начал гадать:

– Ну? Опять наша извечная боязнь обидеть Альбион?

⁴ См. книгу «Столица беглых».

⁵ Гондатти Н. Л. – исследователь Сибири, шталмейстер, действительный статский советник, в 1911–1917 годах генерал-губернатор Приамурского края.

– Хуже. После подписания соглашения в тысяча девятьсот седьмом году англо-русская распря, которой почти сто лет, вроде бы прекратилась. Скоро начнется европейская война, и наши дипломаты надеются, что Лондон присоединится к союзу Парижа и Петербурга. Ради этого умозрительного шанса они готовы терпеть любые выходки англичан. Любые!

Лыков нахмурился и продолжил:

– Есть старая глупая идея, которой почему-то одержима русская дипломатия...

– Проливы? – сообразил Меньшиков.

– Именно. Сазонов⁶ надеется, что совместное участие в войне сблизит нас с британцами настолько, что они сжалятся над Россией и помогут нам изменить режим Проливов в свою пользу. Чтобы русские корабли, включая и военные, могли проходить в Средиземное море и обратно без согласия султана. По-моему, это утопия. Подданные короля не столь наивны. Они с легкостью будут воевать с германцами до последнего русского солдата и кормить Сазонова обещаниями. А попутно грабить майкопскую нефть, препятствовать нашему судоходству, подкармливать думскую оппозицию, раздувать панисламизм в Средней Азии. Давайте хотя бы нефть вернем, а?

– Давайте, Алексей Николаевич. Я могу оставить себе ваш доклад министру внутренних дел?

– Конечно.

– И сослаться в газете на ваши наблюдения, с указанием чина и должности?

– Вот тут не знаю, Михаил Осипович. Все ж таки я на коронной службе. Должен получить на это разрешение министра. Надеюсь повидаться с Петром Аркадьевичем накануне его отъезда в Киев и сразу же телефонирую вам, скажу, получил ли согласие.

Сыщик и журналист расстались вполне дружески. Ободренный чиновник поехал в родной департамент. Меньшиков – сильный союзник, хоть и не все его взгляды Лыков разделял. Например, на еврейский вопрос они смотрели по-разному, и угар национализма, присутствующий очеркисту, коробил Алексея Николаевича. Но тут уж не до белых манжет. Правительство демонстрировало наплевательское отношение к интересам страны. Трудно спорить с собственным начальством, будучи у него на службе... Вылететь в отставку Лыков не хотел. Жить-то будет на что, капитал накоплен. Но чем наполнить жизнь? Щук ловить в Ветлуге?

На Фонтанке, 16, статский советник первым делом направился к Зуеву. Директор Департамента полиции не обрадовался новости, что он пойдет на доклад к Курлову в сопровождении подчиненного. Шеф сильно не одобрял намерения Лыкова и всячески отговаривал его.

– Опять за старое? Сломишь себе голову на этом Майкопе, помяни мое слово. Твое дело какое? Ловить убийц и выполнять иные приказания начальства, – принялся брюзжать директор. – Зачем нарываешься?

– Так ведь гадит англичанка, Нил Петрович. И даже не стесняется, знает, что ей за это ничего не будет. Тошно смотреть.

– Ты сыщик! А не дипломат, прости господи... Если не поп, в рясу не лезь!

Зуев сложил перед собой руки и продолжил жалостливым голосом:

– Слышь, Алексей, ну отступи на сей раз. Плохо это для тебя кончится.

– Мстить, что ли, они мне будут? В русском государстве русскому чиновнику, почти что генералу? Замучатся.

– А ты не знаешь, насколько хватит британских возможностей. В случае чего, наши с Певческого моста⁷ легко променяют тебя на какую-нибудь пустую подачку от Уайтхолла.

Лыков возразил:

⁶ Сазонов С. Д. – министр иностранных дел.

⁷ Возле Певческого моста находилось здание российского Министерства иностранных дел.

– Прodelки в Майкопе – дело рук не Уайтхолла, там частная инициатива нефтепромышленников. Не настолько они сильны здесь, в Петербурге. Просто нувориши, богатенькие и зазнавшиеся. Британскому правительству до таких нет дела. Я их парламентаря в екатеринодарской гостинице с лестницы спустил, так он даже в полицию не обратился.

Зуев сокрушенно покачал головой:

– Это ты зазнался! А если бы парламентар жалобу подал мировому?

– Не подал и не подаст, – убежденно парировал статский советник. – Потому как дело темное, свету не терпит. Так что... бери меня на прием и не скрипи.

В результате ровно в шесть пополудни два советника – тайный и статский – вошли в кабинет Курлова. Тот поднял голову и сразу скривился:

– Опять про Майкоп пришли говорить? И охота вам...

– Павел Григорьевич, – начал Зуев, – я полностью разделяю ваше мнение. Но Лыков настаивает. А он имеет такие заслуги по своей предыдущей службе, что я не могу ему отказать. Точнее, могу, но не хочу.

Нынешним вечером Курлову с Зуевым предстояла очередная аудиенция у Столыпина. Петр Аркадьевич занимал одновременно две должности: премьер-министра и министра внутренних дел. В последнем качестве он дважды в неделю принимал доклады по Департаменту полиции, важнейшему в структуре государственного управления. Доклады эти делал Зуев, но обязательно в присутствии Курлова как заведующего полицией. Столыпин не терпел плохих докладов, и товарищ министра хотел тщательно подготовиться. А тут вопрос, не относящийся к делу. Однако генерал-лейтенант тоже не мог игнорировать настойчивое желание Алексея Николаевича. Как-никак чиновник особых поручений МВД в пятом классе, уважаемый человек, известный всему служилому Петербургу.

– Ну, что вы хотите? – пробурчал Курлов. – Попасть к премьеру? Знаете ведь, что он послезавтра уезжает в Киев. Ему не до вас, понимаете?

– Понимаю, ваше превосходительство, – сдержанно ответил Лыков. – Но настаиваю на своей просьбе.

Товарищ министра вздохнул, покосился на Зуева, словно хотел сказать: ну и подчиненные у тебя, старый гриб... Помолчал секунду и кивнул на дверь:

– Хорошо. Идите к Сенько-Поповскому и прикажите от моего имени записать вас на прием к Столыпину.

– Благодарю! – по-военному щелкнул каблуками статский советник и вышел.

Утром следующего дня он маялся в приемной премьер-министра. После покушения на Аптекарском острове в 1906 году, едва не стоившего Петру Аркадьевичу жизни, тот несколько месяцев скрывался от бомбистов в Зимнем дворце. Потом переехал на правительственную дачу на Елагином острове. Но волну террора удалось остановить, и вот уже второй год премьер квартировал на Фонтанке, 16. Так что идти сыщику пришлось недалеко, в соседний подъезд. Однако тут он застрял накрепко. Накануне отлучки Столыпина к нему хотел попасть чуть ли не весь ареопаг. Перед статским советником сновали директора департаментов, министры, иностранные посланники и высшие духовные лица. Просидев в углу два с половиной часа, Алексей Николаевич начал ходить по огромной приемной, пытаясь привлечь к себе внимание личного секретаря премьера коллежского советника Граве. Но тот игнорировал маневры сыщика. Тогда Лыков отловил в толпе подполковника Отдельного корпуса жандармов Пиранга. Пиранг отвечал за охрану Столыпина и выполнял часть секретарских функций. По роду службы жандарм и полицейский чиновник были хорошо знакомы.

– Помогите попасть к шефу, Ричард Юльевич! Кажется, я высидел положенный ритуалом срок.

– Сейчас выйдет Сазонов, и я вас запущу, – ответил подполковник. – Только вы, пожалуйста, быстро. А то следом очередь Кассо⁸, а он сами знаете какой... Вспыльчивый бессарабец!

На этих словах дверь распахнулась, и на пороге появился министр иностранных дел. Он явно был чем-то расстроен. Пиранг шмыгнул в кабинет, через полминуты, высунувшись в приемную, поманил сыщика пальцем. Тот торопливо сунулся следом.

– Здравствуйте, ваше высокопревосходительство. Благодарю за потраченное время, я понимаю, что оно у вас на вес золота.

Столыпин, постаревший и какой-то поблекший, посмотрел на посетителя и кивнул на стул:

– Садитесь, Алексей Николаевич. Скоро у меня этого времени будет полно. И цениться оно станет на вес чугуна, а не золота.

В голосе премьера прозвучала горечь. Лыков подобрался. Слухи, что дни Столыпина на премьерской должности сочтены, ходили по Петербургу уже давно. Неужели все так плохо? И кого тогда просить о помощи? Уходящему с поста сановнику точно не до Майкопа. Однако деваться было некуда, и сыщик сжато отрапортовал о ситуации в Кубанской области, не забыв при этом сослаться на мнение военных. Статс-секретарь слушал вполуха, и Алексей Николаевич понял, что на него опереться не удастся. Все же он договорил до конца и закончил просьбой взять вопрос с Майкопским месторождением под свой контроль. Чтобы вернуть его отечественному капиталу и тем обеспечить потребности армии и флота в нефтепродуктах.

– Значит, девяносто два процента всех участков переданы англичанам? – переспросил премьер.

– Точно так. А они ничего не добывают. Скважины закупорены, оборудование не завозится. Более того, когда русские промышленники начинают качать нефть, им предлагают выгодно продать долю и катиться ко всем чертям...

– Хм. Но ведь формально ничего не нарушается? Арендная плата поступает в казначейство?

– Да. Если смотреть формально. А национальные интересы? А скорая война, при которой расходы мазутного топлива многократно возрастут?

– Есть еще Баку и Грозный, – напомнил Столыпин. – Оттуда возьмем.

– Так ведь там те же британцы!

– Ну и что? Они делают... как его? Бизнес. Там качают, а не закупоривают.

– Петр Аркадьевич, но как же можно столь важный вопрос отдать на откуп иностранцам? – повысил голос статский советник. – Хоть эфиопам, хоть пигмеям – никому нельзя. А уж сынам Альбиона тем более.

– Согласен, – буркнул Столыпин. Он откинулся на спинку кресла и даже на секунду прикрыл глаза. Чувствовалось, что разговор премьеру мало интересен и даже тяготит его.

Лыков молча ждал, сидя на стуле в положении «смирно». Прошла минута, статс-секретарь размышлял, медленно и натужно, будто ворочал камни. Алексей Николаевич вспомнил о разрушающемся здоровье Столыпина: сердечная недостаточность и Брайтова болезнь⁹ сделали из него почти инвалида, но от общества это тщательно скрывали. Наконец премьер поднялся и протянул сыщику руку:

– Я уяснил, буду думать. Рапорт оставьте у меня и ступайте.

– А?..

– Вернусь из Киева и поговорим.

⁸ Кассо Л. А. – министр народного просвещения.

⁹ Брайтова болезнь – тяжелое почечное заболевание.

– Слушаюсь. Я могу сообщить эти сведения Меньшикову из «Нового времени»? Чтобы он в статье сослался на меня с указанием фамилии и чина? Михаил Осипович готов поддержать.

– Нет, сначала я сам прочитаю. Тогда и решу.

– Слушаюсь.

– Да, пока не забыл, – перехватил собеседника уже возле двери премьер. – Как там Гондатти? Остался доволен вашей командировкой на Амурскую дорогу?

– Точно так, ваше высокопревосходительство.

– Еще бы. Ну, ступайте...

Лыков не успел выйти, как его едва не сбил с ног следующий посетитель. Сыщик отошел в угол, осмотрелся. В приемной толпилось более тридцати человек. Какой уж тут рапорт...

В ночь на 2 сентября Алексей Николаевич был разбужен телефонной трелью. Он вскочил с дурным предчувствием, посмотрел на часы: половина четвертого. Что-то недоброе случилось. Уж не с сыновьями ли? Павлука в Альпах, Николка в Тибете; и там и там было опасно. Сыщик поднял трубку и услышал сиплый от волнения голос Сенько-Поповского:

– Алексей Николаевич, вы? Беда! Только что телефонировали из Киева. В городском театре стреляли в Столыпина.

– Что?! Как он, жив?

– Тяжело ранен. Судя по всему, смертельно... Вот такие дела. Горе-то какое...

Сыщик услышал, как секретарь всхлипнул на том конце линии, и положил трубку.

Из спальни выглянула жена:

– Леша, что случилось?

– Свари мне сей же миг кофе покрепче.

Ольга Дмитриевна не сдвинулась с места, вопросительно смотрела на мужа.

– Столыпин ранен в Киеве. Возможно, смертельно.

Оконишникова ахнула и закрыла лицо руками.

– Поеду в департамент. Вари, не трать время.

Прибыв на Фонтанку, статский советник узнал у дежурного чиновника подробности. Премьер-министр тяжело ранен в театре на спектакле «Сказка о царе Салтане». Террорист дважды выстрелил в него в упор. Одна пуля попала в руку, а вторая пробила грудную клетку и задела печень. Раненый помещен в частную клинику доктора Маковского, делается все возможное для его спасения. Столыпин в сознании и сильно страдает... Состояние Петра Аркадьевича очень тяжелое, но врачи надеются на благополучный исход. Операция по извлечению пули назначена на утро. Обязанности председателя Совета министров исполняет его заместитель по этой должности Коковцов.

Известно также, что стрелял еврей, жители Киева об этом уже узнали, и в городе ждут страшного погрома. А войска гарнизона на маневрах, защитить иудеев некому. Жуть!

Лыков закрылся в своем кабинете и стал доканчивать накопившиеся дела. Настроение было отвратительное. У него из головы не шли слова Столыпина: «Вернусь – и поговорим». Состоится ли обещанный разговор? Сейчас Петр Аркадьевич на волосок от смерти, ему ни до чего. Эх! Такого человека не уберегли.

Утром дежурный сообщил: Коковцов вызвал в Киев три казачьих полка, они окружили Подол и другие кварталы, заселенные преимущественно евреями, и не пускают туда погромщиков. «Иерусалимские дворяне»¹⁰ плачут и молятся, угроза постепенно утихает. Премьеру сделали операцию, но состояние остается тяжелым.

¹⁰ Евреи (ирон.).

Дни тянулись в напряженном ожидании. Лыков и многие из чинов Департамента полиции сидели на службе до глубокой ночи, ждали новостей из Киева. А те делались все более и более зловещими.

Со второй половины дня 4 сентября стало ясно, что дни Петра Аркадьевича сочтены. Он сильно страдал, находясь в ясном сознании. К вечеру началась страшная икота, отнявшая у раненого последние силы. В ночь с 5 на 6 сентября Столыпина не стало.

Глава 2

Коряво...

Двадцатого сентября у МВД появился новый министр – Макаров. В ведомстве его хорошо знали: с 1906 по 1909 год Александр Александрович служил у Столыпина товарищем, то бишь заместителем, и курировал полицию. Потом ушел в государственные секретари. Теперь, когда должность министра внутренних дел стала вакантной, по рекомендации нового премьера, Коковцова, государь назначил на нее Макарова. Сразу начались перемены в верхних кругах. Самый умный из товарищей, Крыжановский, ушел. Коковцов именно его предлагал государю в сменщики погибшего. Но тот помнил, что Крыжановский в свое время был близок с Витте, и отказал. Николай Второй никак не мог простить последнему, что тот заставил его подписать манифест 17 октября... Лыков особенно жалел об уходе этого человека. На две головы выше любого столичного бюрократа (за вычетом, конечно, Кривошеина¹¹), Крыжановский был тайным идеологом многих столыпинских реформ. При этом он не лез на первый план и ловко манипулировал премьер-министром. Убеждал его проводить свои идеи, которые Столыпин охотно присваивал, а сам оставался в тени. В частности, именно Сергей Ефимович так переделал избирательный закон, что Третья Государственная дума получилась управляемой и в целом союзной правительству. Теперь, когда подошло время выборов в новую думу, этим скользким вопросом стал заниматься Харузин. Хороший этнограф и антрополог, он оказался плохим администратором. Макаров взял его в товарищи отчасти потому, что оба они происходили из богатых торговых семейств. Так важнейшее министерство попало в купеческие руки... Выборы отнимали у власти много времени, внимания и денег. Харузин делил секретные фонды между губернаторами, давил на них, требуя всеми правдами и неправдами тащить в депутаты послушных людей. Делал он это топорно, в обществе зрело недовольство.

Департамент полиции, в котором служил Алексей Николаевич, от выборов был далек. Его куратором вместо Курлова стал Золотарев. Дела шталмейстера были плохи. Совет министров решил предать суду его, заведующего дворцовой охранной агентурой Спиридовича, начальника Киевского охранного отделения Кулябко и вице-директора Департамента полиции Веригина. За то, что эти раззявы своими неумелыми действиями в Киеве погубили Столыпина. Первый департамент Правительствующего сената назначил предварительное следствие. Все его фигуранты были отстранены от должностей. Следствие вел сенатор Трусевич, бывший директор Департамента полиции и личный враг Курлова. От него не приходилось ожидать объективности, но в верхах это никого не волновало. А у Зуева с Лыковым появился новый начальник.

Игнатий Михайлович Золотарев был из судейских. Повседневную полицейскую службу он знал плохо и старался держаться от нее подальше. Когда Трусевича «ушли», Столыпин дважды предлагал ему освободившееся кресло. Оба раза Золотарев отказывался, говоря: там нужны особые свойства, а они у меня отсутствуют. На самом деле он боялся как ответственности, так и рисков, связанных с этой должностью. В конце концов директором стал Нил Петрович Зуев. К большому удовольствию чинов Департамента полиции... Теперь Золотарев взобрался еще выше по карьерной лестнице, но привычек не изменил. Очень ленивый, старающийся избегать конфликтов, более всего он ценил высокое жалованье и комфорт. С его приходом в МВД должность заведующего полицией была упразднена. Игнатий Михайлович курировал два департамента – полиции и духовных дел иностранных исповеданий, а также техническо-строительный комитет. Дела охраны правопорядка шли у него не на первом плане.

¹¹ Кривошеин А. В. – главноуправляющий землеустройством и земледелием, ближайший сотрудник Столыпина по аграрной реформе.

По-прежнему, как и при Столыпине, Зуев докладывал министру дважды в неделю. Товарищ министра присутствовал при этих докладах, но по большей части молчал. Наверху господствовали дилетантизм и формалистика. Тон всему задавал, как и полагается, сам министр.

Макарова называли в верхах «честным нотариусом». Упрямый и ограниченный, он любил работать с бумагами, засиживаясь над ними до пяти часов утра. И считал это главным своим делом. Вся его служба прошла по судебному ведомству, среди писанины, вдали от настоящей жизни. Макаров быстро попал под влияние своих подчиненных, таких как Золотарев с Харузиным. Для Лыкова наступили трудные дни. После крупных фигур: Плеве, Дурново, Столыпина – к рулю пришли ничтожества. Нил Петрович сидел тише воды ниже травы и считал дни, когда его освободят от директорства и переведут в сенаторы. Полицейская служба встала. Никто ничего не инициировал, все ждали команды сверху. А там занимались только выборами в Четвертую думу... Какое уж тут спасение «майкопского чуда»! Все усилия статского советника в этом вопросе упирались в стену. Но он не отчаивался. Есть Меньшиков, есть военные, нужно в дурацкую стену колотить, и в конце концов она рухнет.

Когда пертурбации в МВД закончились, Лыков напросился на доклад к министру. Они были давно знакомы, Александр Александрович с виду благоволил сыщику. Но в этот раз беседа не задалась. Тайный советник сразу спросил статского: какое тому дело до майкопских нефтяных приисков? Ответ, что это касается безопасности империи, что скоро война, что англичане обнаглели – не впечатлил Макарова. Он стал поучать собеседника: каждый должен заниматься только своими прямыми обязанностями. И точка! Нудный, при этом высокомерный и брюзгливый, министр отчитал подчиненного и выгнал. Решив, что научил дурака уму-разуму. Алексей Николаевич ждал чего-то подобного и не сильно расстроился. Встреча была необходимой формальностью. Поговорили – теперь можно действовать дальше.

Между тем служба шла своим чередом. В первых числах декабря Лыков в очередной раз едва не погиб. История вышла занятная. Они с Азвестопуло получили приказ выявить, куда делись ценности со склада таможни при Финляндской железной дороге. Неизвестные похитили две тысячи золотых мужских часов модели Extra Plates. Причем самых дорогих – глухих, анкерных, с брегетовским волоском¹² и репетицией в четверть часа. Триста рублей штука! Еще пропали пятьсот сорок биноклей Minix-6, предназначенных для армии. Что самое неприятное, таможня недосчиталась также сорока пистолетов систем «штайер» и «Астра». Именно поэтому к дознанию привлекли Лыкова, который обычно не занимался кражами.

Пропажа пистолетов имела последствия. Петербургская сыскная полиция зафиксировала всплеск вооруженных нападений в столице и пригородах. Были убитые и раненые. Макаров приказал помочь градоначальству. Все лучше, чем болтать про Майкоп. Сыщики договорились с Филипповым¹³, что объединят усилия. Алексей Николаевич вызвал по очереди на явочную квартиру четырех человек из своей личной агентуры. Поставил им задачу купить оружие без разрешительных документов. Хотя революция давно затихла, ограничения на продажу оружия, введенные в девятьсот пятом году, остались в силе. Без бумаги от участкового пристава в магазине отказывались отпускать даже дрянной «велодог»¹⁴. Осведомители отправились на поиски, и вскоре Антип Лавочкин принес новый австрийский «штайер» в заводской смазке. Купил за четвертной билет! Продавцом выступил некий Вовка Держивморду, темный человек из Ропшинской лавры.

Дом номер пятнадцать по Ропшинской улице давно был у полиции на дурном счету. Его облюбовали воры и налетчики, перебравшиеся сюда из отживающей век Вяземской лавры. Городская дума решила прикрыть старинную клоаку. Ее тринадцать корпусов по очереди сно-

¹² Брегетовский волосок – уравнительный маятник.

¹³ Филиппов В. Г. – начальник Петербургской сыскной полиции (ПСП).

¹⁴ «Велодог» – примитивный револьвер, который покупали велосипедисты, чтобы отбиваться от уличных собак.

силы, на их месте должен был появиться крытый рынок. Вовка Держивморду проходил по сыскной картотеке как рецидивист. Он отсидел шесть лет за грабеж и не имел права проживать в Петербурге. Однако спокойно проживал. Настоящее его имя было – Владимир Мохов, крестьянин из вологодских. Похоже, что Вовка взялся за старое. В одной с ним квартире поселились еще четверо уголовных, состоявших на учете. Околоточный явно имел с них хорошую мзду, поскольку ребята не прятались. Деньги у них водились, а чем занималась шайка, понять было трудно. Видать, торговали ценностями, выкраденными с таможни. Но как это доказать?

Лыков решил выступить в роли покупателя. К этому его подтолкнуло одно обстоятельство. Когда он на Офицерской¹⁵ просматривал картотеку, то сразу узнал Держивморду по фотографической карточке. Вытянутое лицо, раскосые глаза, левое ухо чуть выше правого – приметная наружность. Алексей Николаевич встречался с ним в Москве в 1907 году, когда дознавал железнодорожные кражи¹⁶. Тогда бандиты из шайки Згонникова застрелили старого приятеля сыщика, Петра Фороскова. И едва не закопали самого Лыкова. Он схватился один с семерыми и был избит до полусмерти. Жандармский унтер-офицер Деримедведь выкрал потерявшего сознание пленника из-под носа бандитов, чем спас ему жизнь. Так вот, двоих из злодеев Лыков тогда сумел убить, а остальных запомнил в лицо. Хотя плохо соображал под ударами, но привычка составлять портреты подозреваемых сработала автоматически. Этот человек, Вовка Мохов, был в той коdle! Один из убийц Фороскова остался безнаказанным. Вовремя сбежал из Москвы в Петербург и запутал следы.

Статский советник сразу загорелся. Взять негодяя и засадить его! Конечно, ту схватку в Первопрестольной не предъявишь: свидетелей нет. Но хоть за проделки с оружием наказать. Глядишь, еще что-нибудь найдется, так и натянем на каторгу, думал сыщик. Только надо сцапать Вовку самому. Это и будет месть.

Лыков с помощником стали думать над операцией. Людей Филиппова решили не привлекать, обойтись служительской командой Департамента полиции. Там народ калиброванный, и не таких вязали... Сыщики сходили в Ропшинскую лавру, загримировавшись под жуликоватых евреев. Приценились к квартирке на втором этаже, поцокали языками: дорого! А заодно провели рекогносцировку местности. Шайка Мохова проживала выше этажом. Один из нее попался полицейским на лестнице – типический злодей. Крупными буквами на лице написано, что с таким в глухом переулке лучше не встречаться. Парень тащил наверх корзину с пивом, из батареи бутылок торчало горлышко с белой головкой¹⁷. Он недовольно покосился на «иудеев», буркнул:

– Христа распяли, сволочь...

Сыщики вжали головы в плечи и засемили вниз. Когда они вышли за ворота, Алексей Николаевич деловито сказал:

– Сейчас же.

– Чего тянуть? – поддержал Сергей. – Там пива штук двадцать. Водкой разбавят – самое время пеленать.

– Вызывай ребят.

Азвестопуло зашел в аптеку, телефонировать в департамент. Лыков прогуливался по тротуару. В нужном им подъезде кто-то переезжал. Артельщики сновали туда-сюда, таскали скарб. Подкатил ломовик, крепкие мужики потащили наверх мебель. Люди занимались своим делом, все было спокойно. «Даже хорошо, что переезд, – подумал статский советник. – Отвлекут внимание, среди такой толпы легче затеряться».

¹⁵ По адресу Офицерская, 28, располагалась Петербургская сыскная полиция.

¹⁶ См. книгу «Узел».

¹⁷ Водка с белой головкой была дешевле и хуже по сравнению с так называемой красной головкой.

Вышел Азвестопуло и доложил: арестная команда прибудет через час. Сыщики быстро ушли прочь от дома, некоторое время слонялись в окрестностях. На двух иудеев не обращали внимания, разве что дворники подозрительно косились.

Через час за углом лавры встали три пролетки. Вышли шесть дюжих мужчин, неброско одетых, с заурядными лицами. Старший, неимеющий чина Александров, доложил статскому советнику:

– Участковый пристав предупрежден и явится через десять минут с нарядом городских.

– Начинаем немедля, – приказал Алексей Николаевич. – Я подымаюсь, стучу в дверь и ровно через три минуты выхожу обратно. К этому моменту вы уже должны стоять на площадке. Я открою – вы сразу внутрь!

– Слушаюсь.

– Там четверо или пятеро, не очень опасных. Воры или налетчики, однако вряд ли гайменники¹⁸.

Помешкав секунду, статский советник добавил:

– Впрочем, я могу ошибаться. Мы в квартире не были, видели мельком только одного.

Неимеющий чина усмехнулся:

– Кто не спрятался, я не виноват.

Александров был смелый и опытный человек, ударом кулака он перешибал дюймовую доску.

– Ну, я пошел. Сергей Манолович вас проведет. Как только хлопнет наверху дверь, ждите три минуты – и в атаку!

Лыков свернул за угол, не спеша подошел к подъезду. Туда как раз затаскивали огромный шкаф. Сыщик пролез боком, стал подниматься. Сердце стучало чаще обычного. Вот ведь как бывает. Три сотни задержаний за спиной, а все равно волнительно...

Подойдя к нужной двери, Алексей Николаевич прислушался. Изнутри доносились голоса. Он разобрал несколько слов: говорили про какую-то бабу, мол, при деньгах, надо бы тово... Сыщик громко постучал. Голоса сразу смолкли. Дверь приоткрылась, в щель выглянул тот самый парень, что давеча тащил пиво.

– Тебе чего, жидок?

– Разговор есть к вашему атаману, уважаемый. Насчет билетов Лейпцигской лотереи.

– Чё?

Тут парня сзади отодвинули, и показался Держивморду. Он молча разглядывал Лыкова, и тот торопливо заговорил:

– Здравствуйте, ваше степенство господин Мохов. Я к вам. От Толика.

– Какого Толика?

– По прозвищу Дылда.

– А он тебе кто?

– Друг-приятель, карманный обиратель.

– Ну...

Атаман распахнул дверь и впустил Лыкова в прихожую. При этом высунулся в коридор и прислушался:

– А что там за возня, Петруха?

Парень сообщил:

– Меблю таскают. Расстрига съехал, какие-то студенты-лохмачи заселяются.

Закрыв дверь на засов, главарь повернулся к гостю:

– Чего ты там говорил про билеты?

¹⁸ Гайменник – убийца (жарг.).

Лыков сдернул с головы кипу и стал безжалостно ее мять. Он затараторил, пытаясь подражать говору варшавских евреев:

– Так что, Дылда сказал, вам все интересно, что может дать профит. Билеты могут, честно слово гешефтера. Уступлю со скидкой... вот только без рассрочки, сам заплатил, из оборота вывел, рассрочку не могу, вот. Для начала тысяча билетов по семьдесят пять копеек. Потом будет больше. А продавать можно за полтора рубля!

Держивморду слушал молча и внимательно разглядывал «гешефтера». Этот взгляд сыщику не нравился, но деваться было некуда, и он продолжил:

– Еще есть лодзинский товар: готовое платье и штилеты всех сортов. С ярлыками! Правда, накладные квитанции на них выписаны ночью, но товар зер гут!

Лыков молчал языком, а сам считал секунды. Две минуты прошли, оставалось продержаться еще минуту. Ребята уже поднимаются по лестнице.

Атаман по-прежнему молчал. Замолчал и гость. Еще двадцать секунд...

– Где я тебя раньше видел? – спросил вдруг Вовка.

Сыщик понизил голос и пояснил:

– В Москве, ваше степенство. Я там господину Згонникову хлопок помогал сбывать, в Привисленский край.

– Да ну? Ты с Князем работал? Припоминаю...

Пора! Три минуты прошли. Лыков согнулся в поклоне:

– Так я несу образцы?

И не дожидаясь ответа, повернулся к хозяевам спиной и отодвинул засов. Распахнул дверь, готовясь нырнуть в сторону, – и замер. На лестничной площадке никого не было.

Возникла пауза, несколько секунд Алексей Николаевич стоял на пороге, не зная, что предпринять. Внизу слышалась смачная матерщина, артельщики костерили друг друга на чем свет стоит.

– Эй, чего застыл? – Атаман стал выталкивать сыщика в спину. – Неси! Билеты не надо, а лодзинский товар покажи.

Пауза затягивалась, нужно было принимать решение. Уйти якобы за образцами, а явиться через пять минут с арестной командой? Но Вовка напряжен, он что-то заподозрил. Дверь могут не открыть, придется ее ломать, и тогда возможны стрельба и кровь. А от одинокого еврея никто не ждет опасности. И Лыков решил. Не прикрывая дверь, он повернулся к бандитам лицом. В грудь ему тут же уткнулся ствол нагана. Мохов смотрел волком:

– Обмануть нас хотел, легавый? Думал, я тебя в пейзажах не узнаю?

Алексей Николаевич ответил своим обычным голосом:

– Наганчик где-то добыл... А «штайеры», выходит, кончились?

– Какие штаеры?

– С тамо...

В ту же секунду Лыков двинул атамана кулаком в грудь и толкнул на Петруху. Оба с грохотом повалились на пол. Из комнаты выбежали сразу трое и набросились на статского советника. Они взялись за дело споро. Сыщик мгновенно пропустил несколько ударов, во рту появился знакомый привкус крови. Где же подмога, черт ее дери? Прикрыв голову локтем, Алексей Николаевич стал отмахиваться другой рукой. Лишь бы не вынули ножи... От его оплеух свалился сначала один, затем второй, но быстро поднялись и опять принялись мутузить Лыкова. «Стареешь», – сказал он сам себе. И вложил наконец как следует. Противник отлетел далеко и уже не встал. Двух других удалось схватить за волосы и стукнуть лбами. Следующему попало Петрухе. А когда Вовка, кряхтя, сел на корточки, из коридора ворвался Азвестопуло с выпученными глазами и гаркнул:

– Руки вверхпристрелюпаскуду!

И бабахнул в потолок.

Следом за ним полезли полицейские, все почему-то перепачканные мелом. Они стали поднимать и вязать обитателей квартиры. А Лыков набросился на помощника:

– Где ты был? Где вы все были, хрapaiдолы? Тут... едва на шлепнули, пока вас дожидался. Сказал же: через три минуты!

– Артельщики шкап уронили на лестнице, – срывающимся голосом объяснил Сергей. – Большущий! Перегородили всю лестницу. Я кое-как сбоку перелез, на руках по перилам. Уф!

Хоть плачь, хоть смейся... Алексей Николаевич ходил по комнатам, унимая дрожь в руках. И вспоминал, как ствол револьвера жестко упирался ему в грудь аккуратно напротив сердца.

Обыск быстро дал результаты. В углу залы обнаружили два ящика с часами и два с биноклями. В людской за печкой нашлись «штайеры». Стало понятно, что именно эта шайка торгует похищенными с таможни ценностями и оружием. Приказ министра был выполнен. Правда, статскому советнику едва не прострелили важные части тела, так ведь не в первый раз... Когда появились следователь и участковый пристав с городовыми, им оставалось лишь оформить бумаги.

Лыков вручил вожжи помощнику, а сам решил проветриться. Отвык он от таких приключений... Голова раскальвалась, сыщика мотало. Алексей Николаевич доехал на извозчике до Литейного, выбрал кофейню поприличнее и заказал полный стакан коньяку. Опростал его в два захода, после чего отправился домой спать.

Он вернулся на службу к вечеру и узнал, что его разыскивает министр. Неужто хочет похвалить за быстрое выполнение приказания?

Статский советник явился к начальству и услышал совсем другое. Макаров не пригласил подчиненного сесть и с недовольной гримасой зачитал ему протокол врачебного осмотра из Дома предварительного заключения. Именно туда оприходовали арестованную банду.

– Вот, слушайте. У крестьянина Мохова сломано ребро плюс ушиб легкого и синяки на спине. У остальных еще хуже: смят нос, выбито плечо, гематомы на головах... Что за бойню вы там устроили? Шесть служителей департамента, вы с помощником и целый отряд городских набросились на подозреваемых с какой-то звериной жестокостью. И без того к полиции много нареканий, а тут еще это. Объяснитесь! Вдруг попадет в газеты?

– Ваше превосходительство, там случилась непредвиденная ситуация, – начал докладывать сыщик. – Упомянутый вами Мохов узнал меня, несмотря на грим. Мы встречались в Москве четыре года назад. Рецидивист приставил мне к груди револьвер и уже готов был выстрелить. Арестная команда между тем задерживалась: они поднимались по лестнице, артельщики перед ними уронили с ремней шкап и перекрыли дорогу. Несколько минут мне пришлось биться одному против пятерых, спасая свою жизнь. Тут уж было не до сантиментов...

– Сядьте и расскажите подробнее, – приказал министр.

Лыков изложил детали, доказывающие, что он вынужден был действовать жестко. Иначе не сидел бы сейчас на стуле, а лежал перед патологоанатомом. Сам при этом недоумевал. Что еще за глупости? Схватили банду торговцев оружием, состоящую из патентованных злодеев. Ну, намяли им при этом бока... Теперь так всегда будет при законнике Макарове? Он хоть понимает, чего требует? Когда счет идет на секунды, а на кону твоя жизнь, думать о газетах?

Тайный советник слушал внимательно, но продолжал хмуриться. Когда Алексей Николаевич закончил, он прокомментировал:

– Значит, вы признаете, что применили силу.

– Точно так.

– Чрезмерную, если судить по заключению врача.

Сыщик не выдержал и сорвался:

– Этого бы врача туда, в Ропшинскую лавру! Приставить ему ствол к сердцу и предложить сдерживать силу, когда нужно свою жизнь спасти!

Макаров пожевал губами и глубокомысленно произнес:

– Не знаю, не знаю... Про вас давно рассказывают, что вы чрезвычайно жестоко обходитесь с подозреваемыми. Лупцуете на допросах. И даже убили некоторых при задержаниях. Ведь было?

– Ну... в случаях крайней необходимости...

– Вот! И сколько уже случилось таких необходимостей? Раз за разом, и все крайние. При моих предшественниках оно сходило вам с рук. Распустили они вас, статский советник. Теперь этому положен конец. При мне такие фортели уже не проскочат. Будете наказаны. Вам ясно?

– Александр Александрович, вы представляете, чего требуете от меня?

– Соблюдения закона, чего же еще?

– С виду так. А на практике это означает, что, когда меня в следующий раз будут убивать, я должен не себя спасти, а думать о соблюдении вышеуказанного закона.

– Конечно! – возмутился Макаров. – А вы как хотели?

– Но пока я буду соображать, как бы не повредить драгоценное здоровье преступника, он меня зарежет!

– Так уж и зарежет... – ответил министр с усмешкой. – Я ведь на службе тридцать с лишним лет. Побольше вашего повидал. Вы мне сказки не рассказывайте. Ишь, как ловко объясняете свою привычку. Но я не позволю!

Макаров встал и попытался прибавить в голосе металла:

– Идите и помните о нашем разговоре. Вы предупреждены об ответственности. Все, бардак в министерстве с моим приходом кончился, теперь закон во главе, а не ваши палаческие обычаи.

Лыков выскочил в приемную сам не свой. Он шел по коридору, и в голове его складывались ответные фразы. Очень хорошие фразы, точные и убедительные, но запоздалые. Его выставили, как нашкодившую собачонку. «Побольше вашего повидал»! Дурень, что ты мог повидать, сидя в прокурорском кресле? Бумажки? Тьфу!

Расстроенный донельзя, сыщик вернулся в свой кабинет. К нему подскочил помощник:

– Алексей Николаевич, что случилось? На вас лица нет!

– Расскажу – не поверишь. Черт бы их всех драл... Надо думать, как дальше служить. Неужели он это всерьез?

И Лыков передал Азвестопуло свой разговор с министром. Тот был поражен. Особенно его уязвила фраза про палаческие обычаи.

– Вытираем сопли и служим дальше, – резюмировал статский советник. – Только осторожнее, чем прежде. Наш новый министр – судейский и подвинулся на законности. Скоро жизнь ему все объяснит, но надо потерпеть.

Лыков выпил чаю, немного успокоился и пошел к директору. Тот принял его настороженно, вид у Зуева был затурканный.

– Чего тебе?

– Хочу рассказать, как поговорил с «честным нотариусом».

– Ну?

Алексей Николаевич изложил все в деталях. Зуев еще больше пригорюнился.

– Тикать отсюда надо.

– Куда? Тебе-то прямая дорога в сенаторы. А я куда денусь?

– Рыбу станешь удить у себя в имении, – подсказал Нил Петрович. – Эх, мне бы такое! Давно бы уже сбежал от этой неблагодарной службы... Крыжовник посадить, как у Чехова. А? Приехал бы ко мне в гости?

– Вот турнут меня – ты ко мне приедешь, – утешил статский советник тайного. – Знаешь, какие стерляди в Ветлуге водятся? В пятнадцать вершков. Я покажу тебе место, где всегда клюет. Поселишься в Варнавине на лето, в доме десять комнат, хватает на взвод. Сенаторов в городке отродясь не было, станешь знаменитостью: исправник честь отдает, а все пять городских во фронт тянутся...

Полицейские посмеялись над такой картиной, однако Зуев быстро вновь погрузился.

– Ты, Леша, с ними поосторожней. Они на облаках живут, по земле никогда не ходили. Что Макаров, что Золотарев. Как бы сдуру не того... Я сам из последних сил держусь.

– Решено уже, кто тебя заменит? – задал Лыков весьма интересующий его вопрос. Бог бы с ними, с министрами, их не каждый день видишь, а директор Департамента полиции – прямой начальник.

– Кажись, Степу выбрали, – шепотом ответил Зуев. – Как мы с тобой и ожидали.

– Ну это куда ни шло, мы тогда еще послужим, – бодро отозвался Алексей Николаевич.

Скорый уход Зуева с должности директора не был тайной, ему давно искали замену. Раньше в преемники прочили Лерхе. Петр Карлович второй в Департаменте полиции имел чин тайного советника – наравне с Нилом Петровичем. А действительных статских советников было как нерезанных собак – целых тринадцать человек! Из них двое – Зубовский и Харламов – занимали должность вице-директора и имели преимущество по службе. Генеральские чины носили также пять чиновников особых поручений, пять делопроизводителей и даже казначей. Конкуренция на директорское кресло была высокая. Проньера Виссарионов тоже не терял надежды. А Степа всего-навсего статский советник, формально он ровня Лыкову. Но наверху, кажется, решили иначе.

Степан Петрович Белецкий с 1909 года исполнял обязанности вице-директора департамента. Выпускник Киевского университета надолго застрял в губернской канцелярии, медленно подымаясь по карьерной лестнице. Но ему повезло: чиновник случайно познакомился с ковенским губернским предводителем дворянства Столыпиным и понравился ему. Возглавив неожиданно МВД и не зная никого в столице, Петр Аркадьевич вспомнил услужливого киевлянина и назначил его самарским вице-губернатором. Белецкий использовал открывшийся ему случай сполна. В Самарской губернии жгли помещичьи усадьбы, эсеры охотились на полицейских... Новый вице-губернатор проявил себя жестким и решительным управленцем. В результате, когда мятежи стихли, он перебрался в Петербург. В Департаменте полиции Белецкий поразил всех своей трудоспособностью. Умный, на лету схватывающий суть дела, он быстро освоился на новой должности. Сперва Степан Петрович занимался финансовыми и хозяйственными вопросами. Но его тянуло к политическому сыску. Прямого отношения к нему статский советник не имел и пошел другим путем. А именно представлял департамент в комиссии по подготовке реформы полиции. Здесь Белецкий понравился уже Макарову (он вообще умел залезть в душу начальству). Когда «честный нотариус» возглавил министерство, звезда Белецкого засияла с новой силой. Как только Зуеву освободят место сенатора, Степан Петрович пересядет в его кресло.

Лыкова эта новость устраивала. Политического сыска он сторонился, следуя совету своего учителя Благово. А сыск уголовный – его епархия, куда давно уже никто не лез. Белецкий умен, ему нужен такой меделян¹⁹, как Алексей Николаевич. Опять же, Степан Петрович покуркался на службе, знает, как пахнет навоз...

Успокоенный сыщик вернулся в кабинет, но тут ему телефонировал Сенько-Поповский. И попросил зайти на минуту. Бывший секретарь Курлова теперь сидел в приемной Золотарева. Не иначе товарищ министра дал очередное поручение.

¹⁹ Меделян – русская порода крупных собак, с которыми охотились на медведей.

Однако, когда Лыков предстал перед секретарем, тот жестом подозвал его поближе. Потом оглянулся на дверь начальника и сказал вполголоса:

– Макаров велел Игнатию Михайловичу подготовить справку про вас.

– Какую еще справку? – удивился сыщик. – Все есть в формуляре.

– Это особая бумага, – все так же тихо пояснил секретарь. – Министра интересует, были ли у вас происшествия при задержаниях и допросах. Когда подозреваемые погибали при арестах или становились калеками. И что в таких случаях говорил прокурорский надзор.

Лыков был озадачен. Опять двадцать пять! Что это министр так озаботился здоровьем всякого отребья? Поглядел бы сначала на дела их рук: трупы детишек, задушенные и зарезанные люди с выколотыми глазами и следами пыток... Сам бы тогда не церемонился. А тут – справка.

– И как там мои дела, Леонид Андреевич? Много Золотарев накопил грехов?

– Игнатий Михайлович мне велел подготовить бумагу. Сейчас займусь ее составлением. Я счел своим долгом предупредить вас об этом поручении, Алексей Николаевич. Не нравится мне оно...

Статский советник ушел раздосадованный. Тучи сгущаются? Кому-то понадобилось его место? Чиновник особых поручений при министре внутренних дел, прикомандированный к Департаменту полиции, – не бог весть какая шишка. Таких пятеро, из них вербуются исполняющие обязанности вице-директора. Но сыщику эта лычка не светила, он никогда на нее и не претендовал. Был как-то и. о. делопроизводителя, да и там от скуки едва не окочился. Для карьеристов должность малопривлекательная. В чем же дело?

Через сутки Сенько-Поповский вновь набрал Лыкова и сказал в трубку:

– Готово, Алексей Николаевич. Зайдете поглядеть?

– Давайте лучше так, в телефон.

– Хорошо. За годы вашей службы в Департаменте полиции на вас накопилось со стороны подследственных одиннадцать жалоб.

– Так мало? – удивился сыщик. – Я думал, их больше.

– Мало? – опешил коллежский ассессор. – Одиннадцать жалоб для вас недостаточно?

– Конечно. Хотя уже кое-что... Это значит, что я служил честно.

– Не понимаю вас.

– Вспомните род моих занятий, Леонид Андреевич. Преступники всегда стараются затянуть дознание и следствие, очернить полицию. А на суде объявляют, что показания из них выбили силой и они ничего такого не совершали.

– Хм. Вам виднее, конечно. Однако я продолжу. Все эти жалобы оставлены начальством без последствий. Но в четырех случаях имела место прокурорская проверка...

– Помню, – перебил Сенько-Поповского Лыков. – Их открывали при гибели подозреваемого при аресте.

– Точно так. Там тоже все кончилось для вас сравнительно благополучно. Кроме гибели некоего Згонникова, которого вы восьмого мая тысяча девятьсот восьмого года в Москве вышвырнули из окна четвертого этажа. Вместо того чтобы арестовать. Жалобу подал князь Мамин, который оказался свидетелем убийства. Он сообщил, что вы отомстили таким образом за смерть кого-то из ваших товарищей. Алло! Слышите меня?

Лыков сказал:

– Леонид Андреевич, дело серьезнее, чем я думал. Не хочу обсуждать его по телефону. Когда могу подойти?

– Прямо сейчас. Шефа еще часа два не будет, приходите.

Когда чиновники уединились в пустой приемной, коллежский ассессор продолжил:

– Мамин умер в камере предварительного заключения, но прокуратура дала ход его жалобе. Не знаете почему?

– Я тогда сильно прижал высокопоставленных мошенников, которые много лет воровали на железных дорогах. Крупное вышло дело! Был суд, наказали мелкую сошку, а тузы остались при деньгах и безнаказанными. Они всячески ставили мне палки в колеса. Проверка была инспирирована с той же целью. Нам с Азвестопуло объявили выговоры с занесением в формуляр и хотели предать нас суду. Но Столыпин разобрался и велел прекратить следствие.

Секретарь товарища министра понурился:

– Алексей Николаевич! Я вас очень уважаю. И убежден, что вы говорите мне чистую правду. Но против вас затевается какая-то интрига. Я вынужден положить справку на стол Золотареву, со всеми перечисленными сведениями...

– Понимаю, Леонид Андреевич. Конечно, кладите. Спасибо, что предупредили.

– Коряво? – Сенько-Поповский употребил новомодное среди столичного бомонда словечко.

– Не пойму, к чему готовиться, но чувствую, что коряво.

Глава 3

Неожиданный оборот

Лыков последнее время жил в ожидании какой-то серьезной неприятности. Арест банды Мохова, который был произведен быстро и дал нужные следствию материалы, не улучшил его настроения. Скорее даже ухудшил. Министр непонятно с чего взъелся на статского советника и собирал сплетни о нем. Товарищ министра, заведующий полицией, избегал общения и недоброжелательно косился при встрече. Может, перевестись в градоначальство? К Филиппову не получится, там нет места для лыковского калибра. Ну тогда в уезд исправником... Пятки уже жжёт. Как говорит Крокодил Петрович Зуев, пора тикать отсюда. Вот только куда? В сенаторы не возьмут. Он, Лыков, умеет лишь одно: ловить убийц. И не хочет заниматься ничем другим. И пользу от своей службы видит. За что же его выталкивают?

Между тем дела с Алексея Николаевича никто не снимал. Через шесть дней после схватки в Ропшинской лавре он приехал на Шпалерную²⁰. Нужно было заканчивать акт дознания по банде Мохова. В Таможенном комитете переполох: кто-то из начальства Финляндской железной дороги вступил в сговор с преступниками. Чины комитета требовали выяснить фамилии предателей.

Алексей Николаевич вызвал в допросную Вовку Держивморду, разложил на столе бумаги, но выпытывать имена не спешил. Сначала он молча разглядывал арестанта. Вот сидит человек, который убил Петра Фороскова. Не сам убил, но участвовал. Пулю в голову другу сыщика всадил Князь, он же Згонников. И за это потом вылетел в окно. А Мохов скрылся от следствия, наказания не получил и по-прежнему совершал преступления. Из проданного им оружия уже застрелили трех человек и трех ранили, включая женщину. Сейчас Алексею Николаевичу придется долго разгрести эти авгиевы конюшни. Запугивать, делать очные ставки, узнавать продавцов и покупателей, собирать улики. Он делал это много лет и хорошо знал свое ремесло. Ребята попались с поличным. Но, прежде чем начать допрос, Лыкову хотелось поговорить.

– Как ты меня узнал?

– Ну, ваше высокоблагородие...

– Высокородие.

– Виноват, высокородие, я вас на всю жизнь запомнил, когда вы нас драли в ключья. Семеро было, и двое дух испустили, схватившись с таким богатырем. Поневоле останется в памяти.

Атаман уже понял, что беседа будет без мордобоя, и ухмыльнулся.

– Опять же, Князь про вас интересное рассказывал. Что вы много лет нашего брата ловите и в какую тюрьму ни приди, везде отыщутся ваши крестники. Да я сам про Лыкова слышал и в Бутырке, и в Лукьяновской тюрьме!

– Ты сидел в Киеве? В твоём деле про это ни слова.

Мохов довольно хохотнул:

– Не в первый раз замужем, понятие имеем. Мало ли у бывалого человека паспортов?

– Ладно, шут с ним, с Киевом, он далеко. Скажи мне, Вовка, кто еще цел из шайки Князя?

Вас пятеро тогда скрылось, я никого не нашел.

Арестант охотно ответил:

²⁰ На Шпалерной находился Дом предварительного заключения (ДПЗ) – петербургская следственная тюрьма.

– Сашка Фарафонов в Кутомарской каторге сгинул. Масалки²¹ поленом по лбу ударили спящего. Он со стодесятниками²² сцепился, их много в каторгу пригнали. Делили власть с «иванами», его и пришибли.

– А другие?

– Другие живы-здоровы, но об них, ваше высокородие, не спрашивайте. Я обычаи знаю, слова не скажу.

– Гляди, я тебе лишь одно ребро сломал, могу и до остальных добраться, – пригрозил статский советник.

Но бандит опять ухмыльнулся:

– Мы в Петербурге, здесь прокурорский надзор настоящий. Даже вам, господин Лыков, с рук не сойдет. Пугайте дураков.

Вовка был прав. В столицах – Петербурге и Варшаве – бить арестованных действительно не позволялось. В Москве с приходом в МСП Кошко²³ тоже мордовать перестали, хотя раньше лупили в хвост и в гриву.

Лыкову пришлось менять тактику. Он начал страшать арестованного тем, что имел в колоде. Сопротивление полиции, соучастие в трех убийствах через продажу оружия, нанесение ущерба казне, проживание в столице вопреки запрещению... Бандит только смеялся. Больше исправительных арестантских отделений за это не дадут. А для настоящего фартового отделения навряде санатории. Их пугает лишь каторга. Тюрьма или арестантские роты считаются легким наказанием²⁴.

Расстались сыщик и бандит без злобы. Лыков уже давно смирился с потерей друга. Тем более Форосков предал его, заманил в засаду, не выдержав побоев. Чего уж теперь ворошить прошлое...

До вечера Алексей Николаевич писал черновик акта дознания. Следовало допросить остальных членов шайки, найти среди них самого слабого и начать его колоть. Жалко, что бить нельзя. Это быстро развязывает языки. Придется попотеть. А если подкинуть в конфискованные вещи тот пистолет системы «Астра», из которого убили немецкого коммивояжера? Пушку тоже стянули с таможни, ее номер записан в накладной. Немца застрелили в Озерковой слободе, на берегу бассейна Обводного канала. Пистолет обнаружили неподалеку, под забором Глухоозерской фермы. Уже ясно, что оружие то самое: поля нарезов на пуле соответствуют нарезам в стволе. И хотя баллистическая экспертиза еще не признана официально, ребята Мохова этого не знают. Они струхнут и что-то да расскажут. Незаконно, да, но в первый раз, что ли?

Лыков решил завтра обсудить эту идею с начальником столичной сыскной. Филиппов считался строгим законником. Но три убийства... Те, кто продал гайменникам оружие, – фактические соучастники. Стоит ли их жалеть? Убрать из города, чем дальше, тем лучше. И срок дать максимальный.

Дома за ужином сыщик был рассеян, но вовремя спохватился и предложил жене сходить в гимнастический зал полицейского резерва. Супруги лишь год прожили на Московском проспекте. Пискаревка со своей неустроенностью раздражала их обоих, и они переехали в новый доходный дом в начале Каменноостровского проспекта. Дом был дорогой и модный, строил его сам Лидваль. Лыков оказался соседом Витте, поселившегося рядом в собственном особняке. Сыщик и бывший премьер-министр вежливо раскланивались по утрам и вели разговоры на

²¹ Масалка – военный (жарг.).

²² Стодесятники – солдаты и матросы, осужденные за участие в военных бунтах в 1905–1908 годах.

²³ Кошко А. Ф. – начальник Московской сыскной полиции (МСП).

²⁴ В тюрьме содержались преступники с малым сроком (до 1 года). В исправительные арестантские отделения (до 1870 года – арестантские роты) помещали преступников со сроком от 1,5 до 6 лет. В каторгу – со сроком от 4 лет и до бессрочной. Только каторжники носили кандалы и выполняли тяжелые работы.

политические темы. Соседкой с другой стороны была Матильда Кшесинская. Ну и ходить с супругой по развлечениям стало значительно проще.

В гимнастическом зале резерва проходили городские соревнования любительских команд по партерной гимнастике. Модный спорт! Участники выстраивали живые пирамиды в три и даже в четыре этажа. «Майские жуки»²⁵ под руководством знаменитого Крестьянсона побеждали два года подряд. Но в этом году серьезную конкуренцию им неожиданно составили пажи. В Пажеском корпусе появился среди преподавателей хороший специалист и здорово продвинул развитие спорта. Еще одним сильным соперником стала команда Петербургского общества народной трезвости при Народном доме имени императора Николая Второго. Финал обещал быть интересным.

Ольга Дмитриевна тут же согласилась. Давно они с мужем никуда не выходили. Тот любил всякие варварские развлечения вроде бокса и французской борьбы, Окопишников же предпочитала театр. А тут хоть красиво.

Супруги неплохо развлеклись, а после состязаний заглянули в «Кюба». На этот раз обошлось без великих князей, облюбовавших ресторан до такой степени, что официантами туда стали брать отставных солдат гвардии, поневоле знавших эту публику в лицо. Лыков князей не любил. Он по роду службы был осведомлен о таких секретах правящего дома, что хоть стой, хоть падай...

Лыков с Окопишниковой славно откушали. Сыщик истребил уху из двинских стерлядей с налимьей печенкой и цыпленка радзивиля с соусом перигор. Запил водкой вперемешку с ай-сек²⁶. Ольга Дмитриевна угостилась спаржей натурель с соусом муслин и мороженым.

Утром следующего дня статский советник пришел в департамент как обычно к десяти. Голова была свежей, настроение бодрым. Он решил нынче же обсудить с Филипповым свою идею насчет пистолета. Взялся уже за телефон, но тот зазвонил прежде.

– Лыков у аппарата, – произнес в трубку сыщик. И услышал в ответ взволнованный голос Сенько-Поповского:

– Алексей Николаевич! Беда...

– Что случилось, Леонид Андреевич? Справка моя не понравилась Золотареву?

– Все хуже, – упавшим голосом ответил коллежский ассессор. – Подследственный Мохов умер сегодня ночью в камере.

– Да вы что? Я допрашивал его днем, он был совершенно здоров! Вскрытие уже сделали? Что сказал доктор?

В трубке возникла пауза, потом секретарь сообщил:

– Мохов умер от сильных побоев. Которые, по словам сокамерников, нанесли ему вы вчера на допросе.

Сыщику показалось, что он ослышался:

– Кто нанес? Сокамерники?

– Нет. Вы нанесли, вы.

– Что за чушь? Я его давеча пальцем не тронул. Все знают, что в столице этого делать нельзя.

Сенько-Поповский вздохнул и опять надолго замолчал. Лыков же стал кипятиться:

– Алло, Леонид Андреевич! Алло! Меня оболгали, ясно как день! Сейчас же поеду в ДПЗ и заставлю негодяев признаться. Это случалось уже много раз, все уголовные знают такую уловку.

– Никуда вам ехать нельзя, – ответил секретарь. – О случившемся уже доложили министру.

²⁵ «Майские жуки» – ученики знаменитой частной школы Карла Мая на 13-й линии Васильевского острова.

²⁶ Ай-сек – марка французского шампанского.

– И что?

– Он приказал Золотареву связаться с прокурором. А вам велено передать, чтобы не оказывали никакого давления на свидетелей. В тюрьму являться запрещено, сидите и ждите дальнейших распоряжений.

– Как запрещено являться в тюрьму? – растерялся Алексей Николаевич. – Кем, министром? Но почему?

– Я только что объяснил, – сухим тоном ответил Сенько-Поповский. – Чтобы не запугали свидетелей и не принудили их изменить показания. Полагаю, сегодня же будет назначена прокурорская проверка. Макаров час назад лично телефонировал Щегловитову²⁷ по этому вопросу.

Лыкова кинуло в жар:

– Они там что, с ума посходили?

Сенько-Поповский опять заговорил сочувственно:

– Алексей Николаевич, плохо дело. Золотарев передал мне слова Макарова, сказанные в телефон Щегловитову. Наш министр заявил буквально следующее: с беззаконием пора кончать и Лыкову это с рук не сойдет. Вот так...

В трубке раздалась гудки. Статский советник сидел сам не свой. Что же это такое? Провокация уголовных, вот что! Однако начальство сыщика почему-то сразу в нее поверило. Они там только что из гимназии? Не знают, что в карьере каждого сыщика таких случаев десятки? И как быть?

Тут вошел улыбающийся Азвестопуло и начал со смехом что-то рассказывать. Но увидел лицо шефа и осекся:

– Ну? Я вижу, дело плохо? Что на этот раз?

– Телефонировал Сенько-Поповский. В отношении меня вот-вот назначат прокурорскую проверку.

– В связи с чем?

– Будто бы вчера в ДПЗ на допросе я так сильно избил Держивморду, что он ночью скончался в камере.

Грек сначала хохотнул, однако быстро посерьезнел:

– А... Простите мне мой вопрос...

– Пальцем не тронул, Сережа. Хотя и чесались кулаки, но удержался.

– Он сидел в одиночке? – сразу ухватил суть дела помощник.

– Нет. И сокамерники будто бы подтвердили, что он пришел с моего допроса чуть живой.

И к утру очоурился.

– Ну тогда все понятно, – повеселел коллежский асессор. – Сейчас мы им устроим перекрестный допрос, поймаем на противоречиях, конвоиров притянем, надзирателей... Тюремная стража первая опровергнет. Поехали на Шпалерную.

– Не могу, министр запретил.

– Это как? – вскочивший было Азвестопуло аж сел.

– Да так. Чтобы не оказал давления на свидетелей, не запугал и не вынудил отказаться от своих показаний.

– Серьезно? М-м... Плохо дело. Ах, судейская кость! Ах, нотариус... Он нам не верит, а им верит?

– Как видишь. Невозможно представить, чтобы Плеве или Дурново выкинули подобное. Знаешь, что Макаров сказал в телефон Щегловитову? Что пора кончать с беззакониями и Лыкову это с рук не сойдет. Ведь он только на днях устроил мне дурацкий и унижительный

²⁷ Щегловитов И. Г. – министр юстиции.

разнос за силовой арест банды Мохова. А сегодня Лыков убил арестанта. Как министр к этому отнесется?

– Он будет в ярости, – кивнул Сергей. – Подумает, что вы нарочно, назло ему это сделали. Как не вовремя, совсем не вовремя...

– Ты сейчас...

Однако телефонный звонок прервал статского советника. Он снял трубку и услышал сердитый голос директора департамента:

– Зайди ко мне. Срочно!

Лыков накинул сюртук и приказал помощнику:

– Езжай на Шпалерную и попробуй узнать, что там произошло. Запиши всех, кто был в одной с Вовкой камере и дал на меня показания. Поименно! Встреться с доктором, который делал вскрытие. Поговори с начальником тюрьмы, со старшим надзирателем отделения и с коридорными. После этого заскочи в сыскную и найди учетные карты на сокамерников. Сделай с них выписки: за что сидят, в чем замешаны, что у них в прошлом. Нет ли с их стороны личного мотива: вдруг я кого-то арестовывал и теперь они хотят отомстить.

– Слушаюсь!

Азвестопуло помчался на Шпалерную, а Лыков пошел к начальству.

Зуев сидел мрачнее тучи. Не здороваясь, он спросил:

– Что у тебя вчера было с подследственным Моховым?

– Обычный допрос.

– А почему он помер после «обычного допроса»? – почти выкрикнул тайный советник.

– Азвестопуло поехал разбираться.

– Скажи, Алексей, только честно... Не ври мне, хорошо?

Лыков понял, что теперь много раз будет отвечать на один и тот же вопрос. Он вздохнул и сказал:

– Нил Петрович, могу на иконе побожиться: я эту скотину пальцем не тронул.

– Да? Но он же убил твоего товарища?

– Убил не он, а его атаман Згонников по кличке Князь. Застрелил на моих глазах. Мохов был в той шайке, которая пыталась меня убить. Один из семерых. Им почти это удалось. Ты же помнишь, какой я был в апреле восьмого года?

– Помню. Но ведь Князя ты выкинул в окошко?

– Князя выкинул, – не стал спорить Алексей Николаевич. – Так получилось.

Зуев стукнул кулаком по столу:

– Получилось?! А сейчас? Сейчас что получилось? Опять ты за старое? Сколько раз тебя предупреждали: не давай волю кулакам! Ведь с твоей силищей проще простого не рассчитать и перегнуть палку!

– Я тебе только что ответил, и ответил честно.

Полицейские какое-то время молчали, потом директор спросил:

– А мне что теперь делать?

– Помогать, если веришь в мою невиновность.

– Я – верю. Хотя все так сходится, что любой суд примет за правду. Мотив есть – раз. Привычка бить на допросах тоже есть – два. И свидетели. Ты хоть знаешь, сколько их? Пятеро! И все в один голос валят на тебя.

– Пятеро? – Лыков впервые осознал, насколько плохи его дела. – Но ведь это оговор. Просто оговор, какие случались с каждым из нас не единожды. Ты же это понимаешь, по земле ходишь, не по облакам.

– Я-то понимаю, Леша. А они? Вспомни, какой у нас Щегловитов? Всем улыбается, хиханьки да хахоньки, а сам упырь. И наш ему под стать.

– Меня сейчас наверняка отстранят от службы, – стал рассуждать Лыков.

– К гадалке не ходи!
– Может, и Сергея Маноловича тоже...
– Я попробую этого не допустить, – вставил Зуев.
– Спасибо. Он теперь моя главная надежда. Сергей – человек надежный. Пусть ведет свое собственное дознание, что там на самом деле произошло в камере. Помогите ему в этом, пожалуйста.

Нил Петрович в очередной раз вздохнул:

– Конечно помогу. Пока я на этой должности. А потом, когда уйду? Белецкий с тобой, как я, двадцать лет не служил.

– Я с ним поговорю, объясню. Надеюсь, поймет...

– Я тоже поговорю, – встал из-за стола тайный советник. – А сейчас иду к Золотареву, явно по твоему вопросу вызвал. Ты сам как думаешь, почему они все пятеро тебя оболгали? Ведь не само же собой так вышло, кому-то это понадобилось.

– Не знаю, Нил. Нужно дождаться Азвестопуло. Он придет с именами «свидетелей». Думаю, после этого станет ясно, кому и что понадобилось.

Лыков вернулся в свой кабинет и стал ждать. Нервы его были на пределе. Собственный министр спустил на него собак, не удосужившись разобраться. Заранее уверовал в виновность подчиненного. Из головы не шла фраза Макарова: «Побольше вашего повидал». Вот индюк! Его бы разок взять на задержание банды убийц. Которым нечего терять, потому что им виселица светит, а значит, нет смысла сдаваться. Дать «наган», поставить на позицию. На опасную позицию! И сказать: «Лишней силы применять не смей». А потом, если цел останется, спросить: «Ну как, ваше превосходительство? Повидали кое-что новое?»

Потянулось унылое ожидание. Никто не входил, телефон тоже молчал. Он заглянул в чайную комнату, чтобы проветриться. Статский советник как признанный богач уже десять лет содержал ее на свой счет и баловал сослуживцев дорогими семейными сортами. Все привыкли к этому и воспринимали подарки как должное... Ну, посмеивались иной раз, но спасибо давно не говорили. Завидев Лыкова, сослуживцы быстренько разбежались, некоторые даже бросили недопитый чай. Ну-ну, уже прознали...

Вдруг прямо в кабинет явился Зуев. Он плотно закрыл за собой дверь и первым делом спросил:

– Грек твой еще не вернулся?

– Нет. Я велел ему из тюрьмы ехать в сыскную, проверить сокамерников по картотеке.

– Понятно. Я от Золотарева. Говорили о тебе.

– Садись, чего стоишь?

Директор сел и начал рассказывать, глядя при этом в пол:

– Злоба там на тебя дикая. Макаров рвет и мечет, решил, что ты в пику ему нарочно убил Вовку. Ответил таким образом на выговор.

– А подумать ему некогда? Я что, малохольный, чтобы так поступать? Это же отставка без прощения!

– Леша, ты не понял, – взглянул на собеседника Зуев. – Какая отставка? Он тебя в тюрьму хочет посадить.

– Как в тюрьму?! За что?..

– За убийство!

Лыков в который раз за день опешил:

– За убийство? Которого я не совершал?

– Он-то уверен, что совершал!

– Пусть сначала проведут расследование! Там все вскроется, Макарову еще извиняться передо мной придется.

– А если не вскроется?

До сыщика постепенно стало доходить. С самого утра он никак не мог отнестись к происходящему серьезно. Ему казалось, что это дикость, абсурд, очевидный для всех. Настолько очевидный, что вот-вот рассосется сам собой, и все встанет на свои места.

– То есть как – не вскрыется?! – рывкнул он. – Правда есть правда, ее не спрячешь! Я не у-би-вал! Слышишь? Не у-би-вал!

В кабинете стало тихо. Лыков тоскливо смотрел в окно и думал: скорее бы приехал Сергей. Он выложит на стол фамилии «свидетелей». У статского советника за его многолетнюю службу врагов накопилось немерено, в каждой каталажке по дюжине. Это обнаружится со всей очевидностью в первый же день прокурорской проверки. В Окружном суде тоже не дураки сидят. Лыков знает кадр прокуратуры поголовно, а они знают его: не раз вместе выкорчевывали зло. Разберутся.

Тайный советник встал, тоже косясь в окно:

– Ты Устав уголовного судопроизводства давно не читал?

– Давно.

– Почитай, обнови в памяти. Особенно разделы о преступлениях должности.

– И что там? – забеспокоился статский советник.

– Если прокурор назначит предварительное следствие, то наш министр должен будет немедленно провести собственное служебное дознание. Будь готов к дрянным приемам. Тебя заставят дать объяснение своим поступкам, как ты дошел до убийства арестантов.

– Напишу правду, что не бил этого мерзавца.

– Пиши, пиши... Только вот начальство уже все про тебя решило и таким объяснениям не поверит.

– Это я понял. Ну, не поверит. Что тогда будет? Согласно уставу...

– Макаров даст разрешение на следственные в отношении тебя действия. Прокурор пришлет следака, тот начнет собирать улики, пытаться свидетелей, копаться в твоём прошлом. Ты станешь ходить к нему на допросы... Все это время службу нести не будешь, тебя отстранят от нее. Когда следак решит, что улик собрано достаточно, он передаст дело прокурору Судебной палаты...

– Почему не Окружного суда?

– Потому, Алексей, что преступления должности разбирают в палате. Затем прокурор известит нашего министра, что вина очевидна, надо судить плохого человека Лыкова.

– Министр ведь вправе отказать, – вспомнил Алексей Николаевич. – Сколько таких случаев. Полицмейстера Пензы четыре года не могут посадить на скамью, губернское правление не дает согласия. А градоначальника Одессы! А тамбовского вице-губернатора!

– Ты к себе не примеряй, – с горечью возразил Зуев. – Там начальство своих в обиду не дает. А тебя, считай, наш уже сдал с потрохами.

В судебной практике это называлось разномыслием. По законам Российской империи судить чиновника за преступления должности можно было только с разрешения его начальства. А если оно не хотело отдавать полезного человека, то начинало за него бороться. Мы-де провели собственную проверку и вины никакой не усмотрели, идите к анчутке беспятому²⁸. Тогда местный прокурор обжаловал несогласие начальства в Правительствующий сенат. Тот неспеша изучал дело в порядке общей очереди и выносил свое решение. Если Сенат соглашался с прокурором, это еще ни о чем не говорило. Прокурор назначал предварительное следствие вопреки воле министра. Но, когда оно заканчивалось, материалы опять шли на утверждение начальства. А то вправе было вновь отказать в возбуждении уголовного преследования против своего подчиненного. Прокурор опять писал в Сенат, тот повторно изучал дело, проверял качество следствия, выносил решение... Все это могло длиться годами. Бумаги летали

²⁸ К черту.

туда-сюда, а человек служил и служил. Но в случае с Лыковым, похоже, на министра надежды было мало. Он уже решил, что его подчиненный кругом виноват и его следует примерно наказать.

– Я понял, – сказал Алексей Николаевич, сдерживая раздражение. – Меня Макарка защищать не станет. И как в этом случае пойдет дело?

– Почитай Устав уголовного судопроизводства, Леша! – крикнул в сердцах тайный советник. – Это теперь будет твоя настольная книга.

– Да почитаю, куда деваться, – фамильярно отмахнулся сыщик. – Ты мне скажи, раз такой умный: к чему готовиться?

– Так... – Директор департамента сел и стал чесать в седом затылке. – Так... Как бишь? Согласно уставу²⁹, дай бог памяти, начальство обвиняемого должностного лица прежде всего сообщает ему как о предметах обвинения, так и об имеющихся против него доказательствах вины. И требует объяснений. Когда по обстоятельствам дела окажется нужным предварительное исследование, то оно возлагается на одного из подведомственных начальству лиц. Так вот, исследование уже открыто, и поручено оно Виссарионову.

Это была плохая новость. Статский советник Виссарионов исполнял обязанности вице-директора Департамента полиции и претендовал на должность, которую Зуев вот-вот должен был освободить. Чтобы повысить свои шансы оттереть Белецкого, он захочет угодить начальству...

Нил Петрович сделал многозначительную паузу и продолжил:

– Я долго уговаривал Золотарева не отдавать тебя на расправу судейским. Но ничего не добился. Решение бонзы уже приняли, ты должен понимать. Защиты от МВД не будет никакой. Речь идет ни больше ни меньше как об уголовном преследовании. Которое должно закончиться, видимо, обвинительным приговором. Сам посуди. По уставу, если прокурор все же откроет против тебя предварительное следствие, то министр имеет право приставить к следователю своего чиновника.

– Зачем?

– Чтобы лишний раз защитить интересы подчиненного. Твои то есть. Этот контролер может даже давать указания следователю, на какие обстоятельства тот должен обратить внимание. Влиять, стало быть, на следствие, поворачивая его в нужном направлении. Так вот, Леша, никакого человека тебе в помощь они не выделят. Золотарев мне сейчас передал команду министра: не спасать Лыкова, а топить. Контролера не посылать, а исследование слово в слово чтобы совпало с мнением прокурора. Понял теперь?

– Понял, Крокодил Петрович. Какую статью мне там рисуют?

– До статьи пока дело не дошло, но ты сам умный, догадаешься. Возьми Свод законов и подумай.

Лыков сразу вспомнил нужную статью и ахнул:

– Не может быть! Там же каторга...

Зуев смутился:

– Так уж сразу и каторга... На это даже Макаров не пойдет, оно повредит репутации ведомства.

Но сам задумался. Потом тряхнул головой, как конь, которому жмут удила.

– Ну, мне пора. Как только Сергей Манолович вернется, веди его ко мне.

Опять томительно потянулись часы. Сыщик чувствовал себя как холерный больной на карантине. Никто не приходил, пропали вечные курьеры с бумагами, молчал «эриксон»³⁰. Почему так долго нет Сергея? Очень хотелось телефонировать в сыскную и позвать его к

²⁹ Статья 1886 я Устава уголовного судопроизводства.

³⁰ Марка телефонного аппарата.

трубке, но Лыков сдерживался. Только под вечер Азвестопуло ввалился к шефу и выложил на стол пачку бумаг.

– Вот они, собаки! Все пятеро.

Статский советник схватил бумаги, зашелестел ими и вскричал:

– Есть! Лука Кайзеров! Я арестовывал его в Киеве двенадцать лет назад, он убийца из банды Арешникова³¹. Негодяй арендовал у Киево-Печерской лавры завод, пек кирпичи, а под этим прикрытием разбойничал. Лука состоял при нем в адъютантах, кровавый человек... Ну-ка, а другие?

Через секунду он опять оживился:

– А вот и второй! Степан Дрига. Помнишь его?

Коллежский ассессор кивнул:

– Еще на Офицерской заметил. Московский громила, проходил по делу о хищениях на железных дорогах, состоял в банде Тугаринова по кличке Тугарин Змей. Который застрелился в гостинице «Ливерпуль», когда мы пришли его арестовывать³². А Дригу укатили на каторгу.

– Да, верно. Как же он вместо каторги оказался на Шпалерной? Сбежал?

– Точно, – подтвердил Азвестопуло. – Утек, а попался два месяца назад на грабеже в Старой Деревне.

– Так-так... – повеселел статский советник. – Из пяти свидетелей у двоих есть против меня личный мотив. Как и ожидалось... А другие трое? Несытов, Трунтаев и Бабкин. Не знаю таких.

– Да, эти нам неизвестны. Трунтаев по картотеке – рядовой дергач³³. Несытов с Бабкиным – квартирные воры.

– За что же они меня оболгали? Двое троих запугать вряд ли смогут. Подкупили? Это стоит дорого, откуда в тюрьме взять такие деньги? Непонятно. Ты с ними говорил?

– Не пустили, – вздохнул Сергей.

– Кто, начальник тюрьмы? На каком основании?

– Их как раз допрашивал судебный следователь, он и запретил. Узнал, что я ваш помощник, и сразу от ворот поворот.

– Как судебный следователь? – завелся Лыков. – Что он там делал?

Тут до него дошло:

– Неужели уже назначено предварительное следствие? Так быстро?

Азвестопуло развел руками:

– Судейские будто с цепи сорвались. Видать, была команда от самого министра.

Сыщики переглянулись, у Лыкова на лице появилась горькая усмешка.

– А ведь Крокодил Петрович меня только что предупредил... Как они торопятся, халамидники. Что, Сережа, понял уже, чем пахнет?

– Дерьмом, вот чем.

Между Министерством юстиции и МВД всегда был некоторый антагонизм. Судейские требовали от полиции соблюдать все оговорки в бесчисленных русских законах. Права подследственных, доказательства вины, ход дознания, необходимость предварительного ареста, способы добиваться признательных показаний... Сыщики часто игнорировали подобные условности, которые им только мешали. Лыков за свою многолетнюю службу не раз конфликтовал с прокурорским надзором. То он помял кого-то при аресте, то угрожал побоями на допросе, то якобы подбросил вещественные доказательства. В ходе следствия или потом, на суде, опытные преступники отказывались от своих слов, будто бы выбитых силой. Где там

³¹ См. книгу «Касьянов год».

³² См. книгу «Узел».

³³ Дергач – налетчик (жарг.).

правда, а где уловка арестанта, понять было трудно. И у судебных складывалось впечатление, что права подсудимых постоянно нарушаются и за полицией нужен глаз да глаз. На самом деле разобраться было несложно. Надо лишь знать характер дознавателя. Такой человек, как Лыков, был способен на все, чтобы засадить подсудимого в тюрьму. Но в том только случае, если верил в его виновность. Однако при огромном вале дел надзор не успевал вникать в такие детали. И стриг всех под один фасон. По сути это было правильно: без прокурорского ока полицейские быстро распоясывались. Но часто судебские вместе с водой выплескивали и ребенка. Бывалые преступники затягивали процессы по своим делам на месяцы, если не на годы. Они легко могли оболгать сыщиков, требовали пересмотра дел, отводили следователей, вызывали бесчисленных свидетелей их инобытия³⁴. В формулярах полицейских копились темные пятна бесконечных проверок по факту таких жалоб. И те, кто не хотел скандалов к пенсии, отступали.

Минюст давно имел зуб на статского советника Лыкова как раз по формальным причинам. Жалобы арестованных на него приходили постоянно. В ходе проверок они иной раз подтверждались, и репутация Алексея Николаевича с точки зрения надзора была ужасной. Зато раскрываемость выше всех! До поры до времени последнее обстоятельство выручало статского советника. Опять же, лицо, близкое ко всем министрам внутренних дел от графа Толстого до Столыпина. Вся грудь в орденах. Если совершалось выдающееся преступление, требующее от сыска таких же выдающихся способностей, всегда вызывали Лыкова. И так раз за разом он проскакивал над рифами, отделяясь очередной записью в формуляр. На будущую пенсию ему было наплевать. Поэтому Алексей Николаевич служил, как мало кто в ведомстве: рьяно и без оглядки. В том числе порой и без оглядки на законы. И вот теперь в министры внутренних дел прошел человек, для которого законность – чисто формальная – стояла на первом месте. А подчиненный этого не понял и провинился.

– Стало быть, тюремная администрация уже дала сигнал наверх, – начал рассуждать Лыков. – С утра пораньше опросили сокамерников, получили показания и тут же переслали их в надзор. Так?

– Необычно быстро они все проделали, – подхватил помощник. – Раньше у них была другая манера. Могли бы сначала нам сообщить, а не сразу в прокуратуру.

– Что теперь? Как дальше положено идти делу? Зуев мне только что излагал, но полезно повторить.

Азвестопуло начал вспоминать:

– Обнаружив труп и установив, что к смерти подсудимого может быть причастен статский советник Лыков, тюремная администрация доложила об этом окружному прокурору. Это первый шаг. Дальше по закону должно произойти следующее: прокурор ставит в известность о происшествии министра внутренних дел...

– Уже поставил, – перебил Сергей Алексей Николаевич. – Макаров еще утром все знал. Он телефонировал Щегловитову, и два министра сговорились насчет меня.

– Значит, следующий шаг – проверка нашим министром полученных сведений. Без разрешения Макарова любые следственные действия в отношении его подчиненного невозможны. Но министр может своей властью и не проводить проверку, а сразу принять сообщение прокурора на веру.

– Так и произошло, – опять прокомментировал Лыков. – В глазах нотариуса я преступник, доказательства ему не нужны. Он же всех нас, грешных, насквозь видит! Нил Петрович прав, меня продали с потрохами.

³⁴ Инобытие – алиби.

– Теперь ход опять за Минюстом, – продолжил коллежский ассессор, скрывая беспокойность. – Прокурор уже назначил предварительное следствие, я сам видел, что сокамерников Мохова всю допрашивают. Хотя как он мог его открыть, не получив согласия министра?

– Стало быть, уже получил.

– Но ведь Макаров сначала по закону должен провести собственное исследование! Я же помню Устав уголовного судопроизводства! Статья тысяча восемьсот восемьдесят шестая. На это уходит несколько недель!

– Макаров такой подарок мне не сделает. Исследование уже все решило. Если понадобится, оформят задним числом. Более того, и над тобой, как моим помощником, висит угроза. Могут перевести на другое место службы. Подальше от столиц.

– Я буду бороться, – зло ответил Сергей. – Пускай сначала объяснят, в чем моя вина. Как под пули лезть, Азвестопуло годится. А как своего шефа прикрывать – уже плохо?

Лыков даже слегка растрогался. Но предупредил помощника:

– Опасность велика. Я говорил о тебе с Крокодил Петровичем, он обещал защитить. Но это пока Зуев сидит в кресле директора департамента. Очень скоро его место займет Белецкий. А может, исхитрится и пролезет Виссарионов. Я не знаю, как они поведут себя. Будь осторожен и не лезь на рожон. Пошлют исправником в Мангазею...

– Мангазеи давно уже нет, город умер.

– Ну в Жиганск.

– И Жиганск умер. Осталось лишь несколько монахов, им исправник ни к чему.

Сыщики перевели дух, и статский советник попросил помощника продолжить. Ему хотелось знать, что ждет его в ближайшем будущем и насколько вероятна передача дела в суд. Он, Лыков, – и суд! Такое развитие событий казалось невозможным. Но вдруг? И потом, что этот суд решит? Неужели человека, который много лет ловил преступников, посадят с ними бок о бок? Озноб по коже... Думать так не хотелось, сердце подозрительно часто стучало.

Азвестопуло продолжил:

– Значит, принимаем на веру слова Крокодила. Исходим из того, что Макаров уже продал вас с потрохами и дал согласие на предварительное следствие. Тогда очередной их ход такой: вас отстраняют на все время следствия от службы, вы сидите дома и ждете. Предварительно, без решения суда, арестовать вас не могут, законом не предусмотрено...

– Хотя так, – с горечью сказал статский советник. – Но продолжай. Я сижу и жду – чего?

– Сначала исследования начальства, но оно будет формальным. Затем открывается само следствие. Вас таскают на допросы, трясут свидетелей, сводят концы с концами, чтобы предъявить обвинение. Потом прокурор Судебной палаты получает следствие и опять посылает бумагу Макарову. Так, мол, и так, доказательства вины Лыкова собраны, дело можно передавать в суд. Прошу дать свое на это согласие.

– Даст, сукин сын. А потом? Я сажусь на скамью подсудимых?

Азвестопуло вскочил со стула, пробежался по тесному кабинету, сел на подоконник и исподлобья посмотрел на шефа:

– Потом, Алексей Николаевич, начнется самое страшное. Надо думать, как вас от каторги уберечь.

– Каторги? – Лыков тоже поднялся, нервно теребя лацканы сюртука. – За эту гниду? Я так и сказал Зуеву, хотя в душе не верил.

– Увы. Я пока бегал, нашел время заглянуть в Свод законов. Плохо дело...

– Тысяча четыреста восемьдесят четвертая? – догадался Алексей Николаевич и схватился за голову. – Дай вспомню... «Если от причиненного с обдуманным намерением или умыслом увечья, раны или иного повреждения здоровью последует смерть, то виновный в нанесении сего увечья, раны или повреждения здоровью умершего подвергается лишению всех

прав состояния и ссылке в каторжную работу на время от восьми до десяти лет». Черт! Эх, черт!!! Каторжный червонец! За подлеца, которого я пальцем не тронул. Ну это уж чересчур!

Он стал бегать из угла в угол, взять себя в руки не получалось. Сергей подсказал с подоконника:

– Надо натягивать на вторую часть той же статьи. Вот, я стащил в градоначальстве незаметно.

И он продолжил цитату, уже не по памяти, как шеф, а читая по вырванной странице Уложения о наказаниях уголовных и исправительных:

– «Если увечья или раны, вследствие которых последовала смерть, были нанесены не с обдуманном заранее намерением, а в запальчивости или раздражении, но однако ж умышленно, то виновный в сем приговаривается к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, и к отдаче в исправительные арестантские отделения по второй степени статьи тридцать первой сего уложения».

– А в ней что? – наморщил лоб статский советник. – Ага. Исправительные работы на срок от трех до трех с половиной лет. Верно?

– Точно так, Алексей Николаевич. Все лучше, чем каторга!

Лыков наконец овладел собой. Он сел в кресло, скрестил руки на груди, закрыл глаза и посидел так минуту. Потом сложил кукиш и помахал им в воздухе:

– Или каторга на десятку, или три с половиной года арестантских рот. Выбор между плохим и очень плохим. А вот хрена с горчицей вам, ребята. Буду защищаться до последнего.

– Но как?

– Пока не знаю. Давай вместе думать. Мое спасение в том, чтобы сокамерники отказались на суде от своих показаний. Это единственный шанс. Значит, надо их к этому склонить.

– Но как? – повторил вопрос Азвестопуло. – Ни вас, ни меня не подпустят к ним до суда. А там уже поздно будет. Как мы убедим пятерых фартовых изменить показания? Подкупить? Ну разве что подкупить. Но для этого необходимо с ними встретиться, один на один, с каждым по очереди. Может быть, не раз и не два. Посулить деньги, уговорить, попробовать застрашать. В нашем положении – невозможно.

– Встретиться с арестантами могут люди Филиппова, – возразил статский советник. – Если, конечно, захотят.

Чиновники Петербургской сыскной полиции вели дознания по уголовным делам и поэтому ежедневно посещали Дом предварительного заключения. Они допрашивали подсудимых, в том числе и тех, кто дал показания на Лыкова. Ребята у Филиппова бывалые, знают Алексея Николаевича не один год. Если Владимир Гаврилович решит помочь коллеге, он сумеет сделать многое. Сыщики хорошо ладят с тюремной администрацией.

– Да, Филиппов был бы очень полезен, – кивнул Сергей. – Вы сами будете с ним разговаривать?

– Конечно сам. Но сперва надо дождаться начала следствия. В ПСП быстро о нем узнают. Однако...

Лыков опять вскочил и забежал по кабинету.

– Однако надо биться за полное оправдание, а не выбирать между каторгой и Литовским замком³⁵. Ведь клянусь, я Вовке Держивморду даже шелбана не дал! За что тогда каторга? Нет, не выйдет. Филиппов сможет разговорить эту сволочь. Посулю им денег, много, по тыще на каждого. Они таких сумм отродясь в руках не держали. Сломаю, подкуплю, запугаю, но заставлю сказать правду! Лишь бы Владимир Гаврилыч согласился помогать.

Азвестопуло поглядывал от окна и скептически кривился.

³⁵ В Литовском замке с 1884 года помещалось Петербургское исправительное арестантское отделение.

– Чего ты? – взял помощника за рукав статский советник. – Думаешь, он испугается Макарова?

– Все возможно. Однако другого способа добиться правды у нас нет. Леший! Неужели все так плохо?

– Не знаю. Тут нужен опытный законник, а ни ты, ни я ими не являемся. Займись этим вопросом, найди специалиста. Дворянства лишаться не хочется, а то ведь потом на государственную службу уже не возьмут. Ордена жалко терять, особенно Георгиевский крест. Эх, что за паскудство! Кому это я так дорогу перешел, что решили сыщика Лыкова из службы вычеркнуть? Как думаешь?

– Врагов у вас тьма, но такое придумать не каждому по силам. В большинстве своем они простые убийцы. Тут же вон как подгадали: пятеро свидетелей в голос, а главное – ваш разговор с министром накануне! Будто этот ваш враг в шкапе прятался и подслушивал. Таких совпадений не бывает. Оттого Макаров так и разъярился, и сразу поверил в вашу виновность. И отдал на расправу судейским. Очень странно все это. Очень.

Сыщики долго еще сидели и размышляли. Уже ночью Лыкову принесли приказ по МВД. Как и ожидалось, Макаров отстранял его от исправления служебных обязанностей на время предварительного следствия. С сохранением содержания четырнадцать рублей в месяц. Формулировка приказа звучала так: за превышение власти на допросе, результатом которого стала смерть человека. Министр назначил исследование обстоятельств дела, поручив его статскому советнику Виссарионову.

Глава 4

Черные дни

Для Лыкова наступили черные дни. Он сидел дома, лишенный каких-либо средств для защиты своего честного имени. Общаться с фигурантами дела нельзя, с надзором нельзя, писать прошения или обращения запрещено.

Уже на второй день изоляции он был вынужден отвечать на допросные пункты, которые ему направил Виссарионов. Сам вице-директор говорить с опальным чиновником не захотел, а прислал бумагу с восемью вопросами. Почти на все Лыков ответил «нет». Признав факт беседы с Вовкой, он заявил, что не бил подследственного. Тем не менее уже в тот же день Харлампий (такова была кличка карьериста в департаменте) отослал министру отчет об исследовании. Как и ожидалось, «исследователь» обнаружил в действиях сыщика явные признаки преступления должности и рекомендовал открыть предварительное следствие. Макаров немедленно подписал отношение к прокурору Судебной палаты Корсаку. В нем он приводил выводы Виссарионова и заявлял, что не возражает против назначения предварительного следствия в отношении статского советника Лыкова.

Судебная машина завертелась с невероятной скоростью. Уже через три дня Алексей Николаевич был вызван следователем на допрос. Беседа началась во взаимном смущении. Лыков хорошо знал надворного советника князя Чегодаева-Татарского. Он не раз сдавал ему акты дознания, сыщик и следователь всегда доводили их до судебного приговора и относились друг к другу с уважением. И вот встретились как противники...

– Алексей Николаевич, – начал не без волнения князь, – мне очень жаль. Поверьте, очень. Если вы невиновны, я первый буду радоваться за вас. Но... помогите мне доказать вашу невиновность.

– Давайте попробуем, Максим Васильевич, – ответил Лыков без особой надежды. – Козырей у меня маловато, вот беда. Вы же опытный, понимаете: если там сговор, как я смогу это доказать? Пятеро против одного.

– Можно поймать на противоречиях, – резонно заявил надворный советник. – А вы будете эти противоречия обнаруживать. Я открою вам протоколы допросов: читайте, думайте. Только выписок делать нельзя.

– Очень признателен. С чего начнем?

– С формального разговора, – хмуро ответил Чегодаев-Татарский. – Уж извините, но обязан спросить, что называется, в лоб: это вы убили подследственного Мохова?

– Конечно, не я.

– Но пятого декабря вы его допрашивали?

– Допрашивал. Он был арестован мною с поличным, в квартире нашли украденные с таможенного склада оружие и часы. Протокол допроса находится в материалах дознания.

– Да, я изучил протокол, как и все дело о краже. При аресте вы сломали Мохову ребро...

– Перед этим он меня чуть не застрелил, – стал оправдываться сыщик. – Ствол нагана приставил к груди. А команда застряла на лестнице, там артельщики мебель уронили. Еще секунда – и Вовка нажал бы на спуск. Пришлось спасать свою шкуру, тут уж не до мелочей навроде чужих ребер. Но вот наш новый министр почему-то этого не понимает. Объявил мне выговор за чрезмерное превышение силы.

Алексей Николаевич почувствовал, что скатывается в дурной тон, раздражительный и злой. И может наговорить лишнего. Чегодаев-Татарский, возможно, не будет пользоваться оплошностью подследственного. А может, будет. Надо держать себя в руках. Теперь каждое сказанное слово может быть обращено против сыщика.

– Да, я извещен об этом, – еще сильнее нахмурился князь. – И очень сие обстоятельство вам вредит. Вы уж извините, но так все выстраивается... Мохов вас чуть не застрелил. Вы, в свою очередь, узнали в нем человека, который три года назад уже пытался вас убить и у вас на глазах казнил вашего товарища по фамилии... – следователь заглянул в бумаги, – ...Форосков. Так?

– Казнил не он, а его атаман Згонников.

– Но Мохов в этом участвовал, хоть и косвенно?

– Еще как участвовал. Бил меня по голове кастетом, в числе других бандитов. Едва я тогда Богу душу не отдал.

– Вот, – подхватил следователь, – вы сами и подтверждаете, господин Лыков, что у вас имелся личный мотив против подследственного.

– А что я еще могу сказать? Врать не буду, отвечу честно: мотив имелся.

– И даже не один. – Чегодаев-Татарский стал загибать пальцы. – Месть за своего товарища. Две попытки убить вас, включая последнюю, при аресте. Злость из-за выговора от министра, полученного вами, как вы полагаете, беспричинно. И, наконец, добавим к этому вашу давнюю, всем известную привычку бить арестантов. Куча мотивов, Алексей Николаевич. Выбирай не хочу. Как же мне теперь быть? Поверить вам на слово, что вопреки перечисленному вы невиновны? И не наносили Мохову тех побоев, от которых он к утру скончался?

– Понимаю, как звучат для вас мои слова, князь. Но это правда. Понимаете? Правда.

– М-м... Хорошо, пойдем дальше. Записываю в протокол, что Владимира Иванова-Мохова на допросе пятого декабря вы не избивали.

– Пальцем не тронул.

– Отчего он к утру помер, не имеете никаких предположений?

– Помереть он мог лишь в том случае, если его избili сокамерники, – категорично заявил Лыков. – Эту возможность вы рассматривали? И что, наконец, написано в заключении тюремного врача о причинах смерти?

Чегодаев-Татарский положил перед сыщиком листок. Тот прочитал вслух:

– «Смерть наступила от внутреннего кровотечения вследствие разрыва селезенки, а также воспаления брюшины, вызванного разрывом тонкой кишки. Помимо застарелого перелома третьего ребра, полученного, видимо, несколько дней назад, имеется перелом четвертого ребра... Повреждения брюшной полости являются следствием сильных ударов в живот. Надломленный же конец четвертого ребра, загнувшись внутрь, ткнулся в сердечную мышцу и повредил ее. Все эти раны в совокупности и повлекли за собой смертельный исход». Однако... Лупили его бесчеловечно.

– Именно так. Эта поистине звериная жестокость заставляет прокурорский надзор непременно выявить и наказать злодея. Которым пока, по предварительным результатам следствия, является статский советник Лыков.

– Это не Лыков, а сокамерники. Теперь мне кое-что понятно. Ах, сволочь... Кайзеров с Дригой сводят со мной счеты. Вы допросили всех пятерых?

– Всех. Мы сейчас дойдем до этого, а пока скажите, лишь у двух упомянутых вами лиц есть на вас обида?

– Трех других я не знаю. А эти... Запишите в протокол, когда я с ними познакомился. Сведения легко проверить. Именно я засадил их обоих на каторгу, а там несладко. Вот вам самый настоящий мотив, повод для мести. Оговоры сыщиков – обычное дело в уголовной среде, не мне вам объяснять, Максим Васильевич.

Судебный следователь усердно заскрипел пером. Внеся слова допрашиваемого в протокол, он отодвинул его в сторону. Порылся в портфеле и извлек из него пять знакомых сыщику бланков.

– Вот их показания. Ни Кайзеров, ни Дрига не отрицают факта знакомства с вами. Но оба утверждают, что отнюдь не удивлены тем, что их сокамерник Мохов после разговора с Лыковым скончался. Ибо испытали в свое время на себе, какие у Лыкова тяжелые кулаки. По словам арестантов, вы бесчеловечно избивали их на допросах, что в тысяча девятисотом году в Киеве Луку Кайзерова, что в тысяча девятьсот восьмом году в Москве Степана Дригу. Что скажете на это?

– Максим Васильевич, давайте будем честны друг перед другом. Арестованных в полиции всегда бьют. Кроме как в Петербурге, конечно. Хотя и здесь бывает, но все же такие случаи пытаются скрыть... А в остальной России со сбродом разговор короткий. Чего их жалеть? Если особенно на руках у сброда – кровь невинных жертв.

– И что? – напрягся князь Чегодаев-Татарский. – Убивать их поэтому на допросах? Так, по-вашему?

– Бить, а не убивать, – поправил следователя сыщик. – И не всякого, а лишь виновного. И не всегда, а лишь когда это необходимо, чтобы пресечь дальнейшие преступления. Вот представьте: взяли мы члена банды, на которой девятнадцать убийств. Включая женщин и грудных детей! – последние слова сыщик выкрикнул. – А он молчит. Сообщников не выдает. На вежливые вопросы судейских смеется им в лицо. Тем временем его подельники продолжают резать людей. Что, в вашей практике не было подобного? А в моей, представьте, десятки раз. Десятки! Что остается? Только одно: взять подлеца и начать спрашивать как следует. С кровью, с визгом. Сдирать с него три шкуры. Пока не заговорит. Вы думаете, мне это нравится? Доставляет удовольствие мучать беззащитного человека? Не доставляет, конечно. Самому тошно. Просто нет другого способа, понимаете вы это, законники-чистоплюи?!

Опять сорвался, запоздало понял Алексей Николаевич, и замолчал. Следователь сидел и снова что-то строчил в протокол. Ну, теперь пойдет свара... Черным по белому сыщик подтвердил, что часто использовал силовые приемы на допросах. Это же фактически признание своей вины. Ах он, дурак! Сорвался, как гимназист. Эмоции захлестнули немолодого уже полицейского чиновника, регулярно наблюдавшего дно жизни. Умнее ничего сказать не мог?

– Повторяю вопрос, господин Лыков, – поднял голову от бумаг следователь. – Били ли вы прежде свидетелей Кайзерова и Дригу?

– Нет, не бил ни того ни другого. Луку крепко трепали в киевской сыскной, но без моего участия. Там свои мастера развязывать языки, обошлись без меня.

– Но, может быть, заплечных дел мастера действовали по вашему приказанию? Тогда это то же самое, как если бы вы лично истязали. Даже хуже: вы остались чистеньким, а человеку сломали жизнь.

– Он сам себе ее сломал, когда пошел убивать людей, – ровным голосом возразил сыщик. – И вообще, между теми, кто ловит преступников, и теми, кто их потом оформляет в суд, спор тянется уже десятилетиями. Полицейский и судебный следователь всегда смотрят на права арестованных злодеев по-разному. Ничего нового, так ведь?

– Есть новое, господин Лыков. Сейчас спор между нами перешел из теоретической в практическую плоскость. И от того, как он разрешится, зависит ваша судьба.

В камере следователя повисла тягостная тишина. Первым ее нарушил Чегодаев-Татарский:

– Ну-с, а второго тоже не вы били?

– Дригу? Им занимались люди Кошко. Насколько я знаю, с приходом в МСП Аркадия Францевича лупить на допросах там перестали. Хотя в бытность его в Риге, вы помните, рижские застенки неоднократно склоняли в либеральной прессе.

Лыков напомнил князю о прошлых грехах нынешнего начальника МСП. Будучи шесть лет назад начальником сыскного отделения Рижской полиции, Кошко широко практиковал избивания арестованных.

– Кстати, о либеральной прессе. – Надворный советник опять полез в портфель и вытащил том очерков журналиста Дорошевича. – Читали у него известную статью «Пытки»? Здорово он в ней вас... и вам подобных пригвоздил к позорному столбу? Согласитесь, что здорово.

Алексей Николаевич скис. Очерк про пытки в полиции действительно наделал шуму в 1907 году. Дорошевич описал, как вышибали признания в Одессе, дознавая убийство банкира Лившица. Преступление совершила банда Томилина, но ответили за него неповинные люди. Истязаниями сыщики довели их до того, что они сознались в том, чего не совершали. И лишь на суде это вскрылось. «Убийцы» не смогли даже описать внешность якобы задушенного ими банкира. И хотя их уличили во лжи, в зале суда многие повторили ложное признание. Поскольку сыщики им заранее сказали: откажешься – опять к нам попадешь. И тогда то, что мы делали с тобой в первый раз, покажется мелочью по сравнению с новыми мучениями... Дорошевич напомнил о похожих случаях в Москве, когда сыском там командовал большой друг Лыкова Эфенбах. Да чего говорить? По всей России такое было в ходу. И часто доставалось не убийцам и разбойникам, а ни в чем не повинным людям, на которых по каким-либо причинам падало подозрение. Полицейские могли бегать, собирать улики, искать свидетелей – а это долго и муторно. Проще было взять подходящего субъекта, безответного, не имеющего покровителей, а еще лучше в прошлом судимого, и заставить его признаться.

– Максим Васильевич, вы же знаете, что я такими делами никогда не занимался, – с упреком сказал следователю статский советник. – Другие занимались, но не валите всех в одну кучу.

Чегодаев-Татарский слегка смутился, но быстро вывернулся:

– Книгу Дорошевича вам пересылает сам Щегловитов.

– С какой же целью?

– Его превосходительство велел передать, что так, как там, в вашем случае не будет.

– Что значит «как там»? – с раздражением поинтересовался Лыков. – Где это – там?

– А в очерке про пытки Дорошевич указывает, что факты избиений всплывали на суде постоянно, однако никаких прокурорских проверок по ним не назначалось. Так вот, теперь пойдет по-другому. И незаконных действий полиции мы не допустим. Начали уже людей убивать! Про вас многое рассказывают, господин Лыков. Слишком часто ваши подозреваемые погибали при аресте. В Одессе последний раз – помните? Вы искали, причем долго искали, рецидивиста Балуцу. А потом его вдруг нашли исколотого ножом в парке. Кто убил, за что – местная полиция так и не выяснила. Но подозрение падало на вашего помощника Азвестопуло, у которого Балуца казнил родителей. И на вас как его сообщника. Продолжить? Вот, пожалуйста: Ростов-на Дону. Там погибли три брата Царевых. Младшего вы, не стесняясь, отдубасили до смерти...

– Он напал на нас с женой! – возмутился Алексей Николаевич. – Постыдитесь собирать сплетни! Запросите лучше ростовскую полицию, они вам расскажут, как было дело. Антип Царев и с ним еще трое пытались ограбить нас. С оружием, кстати³⁶. Все это есть в документах, поднимите их, а потом только говорите такие резкости.

Следователь сбился с тона, но после паузы продолжил:

– А два других брата?

– Смотрите документы, – отрезал сыщик. – Я уже понял, как тенденциозно вы относитесь к каждому факту. Торопитесь выполнить прямое указание вашего министра? Чинишко не в очередь хотите получить? И ради этого готовы топить человека, с которым много лет бок о бок выкорчевывали уголовную заразу. Эх... стыдно смотреть.

После таких слов разговор окончательно разладился. Князь Чегодаев-Татарский отказался ознакомить Лыкова с протоколами допроса сокамерников Мохова, хотя сначала и обещал

³⁶ См. книгу «Фартовый город».

это сделать. Алексей Николаевич потребовал очной ставки с каждым из пятерых. На вопрос, что говорят косвенные свидетели – тюремные надзиратели, князь ответил грубо: все будет написано в обвинительном акте, тогда и узнаете. И отпустил сыщика.

Такое начало не предвещало ничего хорошего. Лыков понял, что судебная система получила указание от обер-прокурора³⁷ посадить его за решетку.

Но не все повели себя так, как чины Министерства юстиции. Сразу после открытия следствия Лыков встретился с Филипповым. Тот по телефону попросил коллегу приехать на Офицерскую. Начальник ПСП принял статского советника не один, а пригласил на беседу своего помощника Маршалка. Полицейские отнеслись к департаментскому по-дружески. Не одного зверя вместе спеленали... Однако начало было уже привычным.

– Вы уж извините за мой вопрос... – заговорил Филиппов.

Гость тут же его перебил:

– Да знаю я ваш вопрос, Владимир Гаврилович. Все последние дни на него отвечаю. Так вот, рецидивиста Мохова я не бил. Хотел бы, поскольку есть у меня к нему счеты, но сдержался. Он ушел с допроса целый и невредимый.

На лице Филиппова мелькнуло облегчение:

– Вот и славно. Тогда, Алексей Николаевич, заявляю как на духу: мы в сыскной на вашей стороне. Теперь мне ясно, что вас оболгали. Ясно также, кто и с какой целью: обычная месть уголовных. Кайзеров и Дрига, правильно?

– Убежден в этом.

– Трое других свидетелей или подкуплены, или запуганы, или и то и другое сразу.

– И в этом убежден.

Тут влез коллежский асессор Маршалк:

– Наши чиновники ведут дела всех пятерых. Регулярно вызывают на допросы, сочиняют акты дознания. Вас, к сожалению, мы посадить к ним в комнату не можем, вы отстранены от должности приказом министра. Но мы можем защищать ваши интересы. Негласно.

– Очень буду обязан, Карл Петрович! И вам, Владимир Гаврилович!

– К сожалению, только негласно, – подтвердил хозяин кабинета. – Что за времена настали... Тут еще перемена ветров в атмосфере. Вы попали под раздачу, вот что плохо.

Филиппов имел в виду указания, спущенные в прокурорский надзор из правительства. Коковцов решил поиграть в либерала, а остальные согласились, что теперь уже можно. В девятьсот пятом году власть едва устояла и долго огрызалась. После убийства в собственном кабинете начальника Главного тюремного управления Максимовского Минюст дал негласное распоряжение: закрывать глаза на любые жалобы из мест заключения. Туда попали десятки тысяч человек, особенно много пришло из армии. А Сахалинская каторга уже была закрыта по печальным итогам русско-японской войны. Правительству пришлось спешно создавать новые каторжные тюрьмы в европейской части России. Тюрьмы называли централами, поскольку они подчинялись не губернаторам, а центральной власти. Их набили бунтовщиками и, желая выжечь смуту каленым железом, ввели в централах бесчеловечный режим. Никогда прежде права арестантов так сильно не нарушались. Люди умирали сотнями, их сажали в карцер, забивали до смерти, морили голодом... Заключенные жаловались в надзор, а тот молчал. Несчастные узники писали на волю, взывали к общественному мнению, требовали думских расследований, но все было бесполезно. Власть давила и давила, словно желая отомстить за пережитый испуг.

29 апреля 1908 года в Екатеринославской тюрьме произошла попытка группового побега. Во время прогулки десятая камера подорвала бомбу под стеной и напала на надзирателей. Камера была особая, из двадцати одного арестанта больше половины имели 279-ю «смертную»

³⁷ Обер-прокурор – министр юстиции.

статью за терроризм; остальные должны были вот-вот пойти на каторгу. Анархист Нагорный, только что приговоренный судом к виселице, возглавил побег. Но бомбу взорвали неудачно, вся сила взрыва пошла в обратную от стены сторону – во двор. Пролома не получилось, и беглецы оказались в ловушке. Они стали разбегаться по внутренним помещениям, большинство спрятались на кухне. Зачинщики вылезли на крышу. Пришедшие в себя надзиратели озверели – и началась бойня.

Возглавили ее известные своей жестокостью старший надзиратель Белокоз и его помощник Мамай. Начальник тюрьмы Фетисов поощрял карателей. Тюремная стража ходила по этажам и убивала всех подряд: сначала беглецов, а затем и других арестантов, которые и не пытались скрыться. Всего было застрелено тридцать три человека. Лишь спустя несколько часов приехали прокурор с вице-губернатором и остановили расправу. Но жестокость надзирателей получила одобрение властей, и те вошли во вкус. За последующие шесть месяцев, по некоторым оценкам, екатеринославские тюремщики забили до смерти более трехсот человек. Ежедневно политических вызывали в коридор: «Вставай на линию огня!» Беззащитные узники выходили, и тут же на них обрушивался град ударов. Потом их сбрасывали со второго этажа на первый, где добивали уже лежачих, а кончалось все карцером. Попытки передать жалобы на волю ни к чему не привели. Общественность была запугана, пресса придавлена, а прокурорский надзор все знал, но молчал.

В тюрьмах начался ад. Часто стражники сознательно убивали арестантов и получали за это поощрения. Особо жуткие дела творились в Орловском, Новозыбковском, Николаевском централах и в Псковской тюрьме. Политические заключенные гибли безгласно, никто не пытался их защитить. На тюремных кладбищах схоронили тысячи узников, а те, кто выжил, сделались поневоле послушными.

В конце концов власть добилась, чего хотела. Дух вольности был истреблен вместе с вожаками. Из централов просочились-таки страшные подробности новой политики, Дума забеспокоилась, зарубежная пресса подняла крик. Как раз сменился министр внутренних дел, и наверху было решено ослабить репрессии. А заодно подбросить газетчикам пару жертв для разговения. Вот, мол, закон один для всех, мы никого не жалеем, даже статских советников... И Лыков со своим случаем оказался не вовремя и в неудачном месте.

Сыщики быстро договорились между собой. Офицерская взяла на себя следующее: допросить неофициально – поскольку официально этого Филиппову никто не поручал – всех сокамерников умершего Вовки Держивморду. Как именно и в котором часу он умер? В каком виде вернулся с допроса от Лыкова? Звали ли сокамерники надзирателя, когда увидели, что человек кончается? Не было ли чего-то подозрительного в смерти крепкого, прежде абсолютно здорового арестанта? Вдруг там отравление, которое медицина просмотрела? Успел ли Мохов что-то рассказать перед смертью? Как вели себя Кайзеров и Дрига, которых сыщики подозревали как зачинщиков оговора?

Последний вопрос особенно интересовал руководителей ПСП. Филиппов рассуждал так: – Самая простая версия – Мохова убили эти двое. Но она же и самая неправдоподобная! Двое убивают, а трое других смотрят? Почему молчат, почему допустили? Ведь это соучастие в убийстве, за такое каторгу дают.

– Запугали или подкупили, – повторил слова шефа Маршалк.

– С трудом верится в такое, хотя другого объяснения просто нет, – вздохнул Владимир Гаврилович. – Ну сами представьте. Два злодея мурцуют третьего, который поганец похлеще их. Бьют в живот, разрывают кишку с селезенкой и при этом затыкают Вовке рот, чтобы он криками не вызвал надзирателей. А трое других безучастно наблюдают. Возможно ли подобное? Алексей Николаич, ответьте честно!

– Наверяд ли, – выдавил Лыков. – Хотя в жизни чего только не бывает.

– Значит, фартовые убили своего для того лишь, чтобы вас подвести под монастырь? Ну... никогда про такое не слышал...

Маршалк поддакнул:

– Я тоже. Для уголовных мы все не люди. Но за убийство фартового в их кругу полагается ответить. Как они не побоялись? На этапе ведь спросят.

– Насчет этапов сильно преувеличено, – тоном знатока возразил Алексей Николаевич. – В тюрьме все можно, если это принесет выгоду. Значит, Луке со Степкой было очень выгодно пойти на преступление. Но не пойму, в чем их интерес? Засадить меня в тюрьму? Такое, конечно, многие одобряют. Сотни и сотни оказались взаперти из-за меня. Знамениты сделаются Кайзеров с Дригой, блошиное семя. В любой клетке им уступят лучшие места у окна. Но только ли это? Может, барыги им заплатили, чтобы избавиться от чересчур старательного легавого? Ведь лишь у барыг есть деньги.

Филиппов обещал проверить версию про скупщиков краденого через агентуру. Но отнесся к ней скептически:

– Почему вас велели списать, а, к примеру, не меня или Карла Петровича? Мы в Петербурге побольше вас метем, ваша специфика – командировки в дальние места.

Второй вопрос, который взялись осветить сыщики градоначальства, – это опросить надзирателей. Кто их позвал к умирающему Мохову? В котором часу? Что удалось узнать по горячим следам? Как Вовка вернулся с допроса: на своих ногах и без жалоб или охал и стонал? Не было ли у него прежде распри с кем-то из сокамерников? Драки, ссоры, угрозы?

На этом коллеги закончили беседу. Лыков в последующие дни не телефонировал им: вдруг узнают Макаров с Золотаревым и у сыщиков будут неприятности? Но после неудачного разговора с судебным следователем он наудачу, без звонка поехал на Офицерскую.

К начальнику его пустили сразу же. Два статских советника пожали друг другу руки. Алексей Николаевич высоко ценил Филиппова и понимал, сколь трудно быть руководителем сыскной полиции в столице. Двор с его грязными тайнами. Куча сановников, у которых рыло в пуху. Великие князья, считающие, что законы писаны не про них. Дипломаты, с которых тоже взятки гладки. Градоначальники часто меняются. За любую мелочь вроде карманной кражи могут вздуть. Петербург! Кошко в Москве намного легче: царь с министрами далеко, начальства меньше, а людей в штате больше.

– Мы хотели телефонировать вам завтра, – стал оправдываться хозяин. – Некоторые факты я получу лишь вечером или даже ночью.

– Не удержался, Владимир Гаврилович, прошу меня извинить. Я только что с допроса.

– Дело поручили Чегодаеву-Татарскому, верно?

– Ему. Вроде раньше мы с ним ладили. А тут словно подменили человека.

У Филиппова лицо сделалось серьезным:

– Излагайте.

Алексей Николаевич пересказал ход допроса, особо выделив слова князя про настрой министра юстиции. Главный питерский сыщик шурился, кривился и наконец заерзал на стуле, как будто сидел на горячей сковородке:

– От Щегловитова всего можно ожидать, это общеизвестно. Разбойник с большой дороги. Но ежели в отношении вас сговорились оба министра, дело плохо. И следователь против воли начальства не пойдет. М-да...

– Владимир Гаврилович, валяйте, не таите плохих новостей. Удалось ли узнать то, о чем мы договаривались?

– Практически ничего. Все пятеро узников сороковой камеры допрошены порознь. Между делом, без протокола, однако настойчиво. Им сказано, что, если они оболгали статского советника Лыкова, преисподняя в тюрьме им обеспечена. Вся стража будет считать их своими

врагами. И лучше сейчас, не доводя до суда и лжесвидетельства, сказать правду. Поверьте, мои люди особо постарались. Они вас уважают и сделали, что могли.

– Верю, спасибо им. Но каков результат?

– А никакого, – развел руками Филиппов. – Ни один не зашатался, не изменил показаний.

– Вот как... – Алексей Николаевич повесил голову. – Сговор крепкий, и они готовы прыгнуть в суде... Так-таки ни одной зацепки?

– Маленький факт, но как им распорядиться, не знаю. При внезапном обыске в камере у одного из арестантов в подкладке платья нашли семьдесят пять рублей. Четвертными бумажками.

– Немалые деньги для тюрьмы, – осторожно высказался Лыков. – А раньше их не находили?

– Искали, но не находили. Будто с неба они свалились на сидельца.

– Аккурат после того, как он дал на меня лживые показания. Как фамилия богатея?

– Иван Трунтаев. Скок³⁸ из шайки Василевского, мелкий злец и ничтожный человек.

– Вот же след! – обрадовался Лыков. – Не было ни гроша – и вдруг алтын. Явно плата за оговор.

– Но как это доказать? – приземлил коллегу главный сыщик. – Трунтаев – сын купца, владельца москательной лавки в Апраксином дворе. Говорит, папаша ему и сунул втайне от надзирателей.

Алексей Николаевич опять понурился. На деньгах не написано, откуда они получены. Отец сына завсегда прикроет. Плохо дело...

– А надзиратели что говорят?

– Отнекиваются, – вновь не утешил один статский советник другого. – Мохов пришел с допроса на своих ногах, жалоб не подавал.

– Вот! Пусть их вызовут на суд как свидетелей.

– Непременно надо так сделать, – одобрил Филиппов. – Только надежды мало, что это будет принято во внимание. Хотя... в вашем положении, Алексей Николаевич, нужно цепляться за каждую мелочь. Чтобы от каторги отскочить в арестантские роты.

– То есть, на ваш взгляд, нар мне никак не избежать? – прямо спросил чиновник особых поручений.

– Полностью оправдаться навряд ли получится, – вздохнул главный сыщик. – Уж извините за прямоту. Оправдаться в вашей ситуации? Только если все пятеро покаются. Разве такое возможно?

У Лыкова заныли оба виска сразу. Как быть? Он попробовал возразить коллеге:

– Почему же все пятеро? Достаточно троих. Тех, у кого нет против меня личного мотива. Собеседник задумался, потом кивнул:

– Согласен. Вот путь, по которому надо идти. Шансы есть, главное – не киснуть и действовать. Но, Алексей Николаевич, вы должны понимать...

Голова уже раскалывалась, но Филиппов посулил надежду, а он слов на ветер не бросал. Лыков чуть-чуть приободрился.

– Что именно, Владимир Гаврилович?

– До суда их убедить уже не получится. Прокурор Судебной палаты получил прямое указание министра посадить вас, ведь так?

– Все говорит об этом.

– Значит, судебный следователь будет рыть землю и подготовит обвинительный материал очень быстро. Возможно, за пару недель. Ему ведь уже все ясно, дураку.

– Так.

³⁸ Скок – налетчик.

– Поэтому, Алексей Николаевич, сейчас нас к свидетелям никто не подпустит на пушечный выстрел. Чуете, к чему клоню?

– Что придется сесть в арестантские роты?

– И это будет очень хороший для вас исход, – вскочил главный сыщик. – Лишь бы не каторга. Там зарежут, там слишком много у вас недоброжелателей. Никакая «леговая» камера³⁹ не спасет. Поведут в баню – и... А в арестантских отделениях сроки маленькие, вор на воре, там ваших клиентов еще поискать. Так что сесть, судя по всему, придется. Вопрос, на сколько. После суда, когда шум уляжется, мы начнем свою тихую, тайную работу. Ваши друзья пусть помогают. Сергей Манолович, Зуев, военные – всем найдется дело. Задача: заставить лжесвидетелей изменить свои показания. Это будет трудно, поскольку им за ложь на суде добавят срок. Но есть два пути. Те самые, которыми, видимо, воспользовались настоящие убийцы: одновременно запугать и перекупить. Деньги у вас есть, уже хорошо. А еще у вас есть мы, ваши товарищи и коллеги. Даю вам твердое обещание не успокоиться и довести дело до конца. Повторюсь, придется вам потерпеть, пока мы добьемся пересмотра решения суда. На это могут уйти месяцы, если не годы. Держитесь.

Лыков понемногу воспрял духом. Петербургская сыскная не верит в его вину, она на стороне статского советника. Сергей, другие порядочные люди из полиции ему помогут. Нил Петрович обещал не бросать. Белецкий, может быть, тоже поддержит. Таубе, Продан, Запасов – у него много друзей. И все при чинах и должностях. Неужто не перевесит их совместная сила упорство трех жалких арестантов? Должна! Конечно, правда победит. Вот только придется ему, Лыкову, сначала помучиться. Все к этому идет. Лишат его дворянства, чинов, орденов, ломают над головой шпагу и заключат – куда? Только бы не в каторгу. Филиппов прав, там сыщик долго не проживет. В каждой каторжной тюрьме у него крестники. И какие! «Иваны», мазы⁴⁰, убийцы-рецидивисты. Им ткнуть фараона ножом в бок – за радость. В тюрьме не убежешься, там ты рядовой арестант, никто тебя охранять не станет. Нужно тянуть обвинение на арестантские роты. Сесть за решетку и ждать, пока с воли тебя вытащат. Терпеть, терпеть, смотреть в оба и терпеть.

Алексей Николаевич протянул Филиппову руку:

– Спасибо, Владимир Гаврилович! Век не забуду вашу поддержку. Я пришлю к вам Сергея Маноловича, хорошо? Начинайте готовить план действий. Мне же пожелайте сил и терпения...

– Желаю! Не падайте духом, Алексей Николаевич. Христос терпел и нам велел – этим утешайтесь. Больше нечем.

Лыков ушел хоть и унылый, но с другим настроением. Забрехала надежда. Далекая и слабая, однако надежда. Он вытерпит все унижения, все муки, преодолит возможные опасности. А потом вернется к прежней жизни: дворянином, статским советником, георгиевским кавалером. И опять начнет ловить убийц и сажать их туда, где им самое место: в каторгу. Причем с новой силой и новой злостью. Берегитесь тогда, сволочи, сыщика Лыкова!

После того как Филиппов нарисовал товарищу план спасения, тот вышел из состояния оцепенения, в котором находился все последние дни. Вышел и начал действовать. В ближайший вечер он собрал у себя на квартире совещание. Явились те, на кого Лыков надеялся в первую очередь: Таубе, Павлука Лыков-Нефедьев и Продан от военных, Запасов от жандармов. От Департамента полиции присутствовали Лебедев, Азвестопуло и Анисимов. Последнего Алексей Николаевич позвал как аналитика. Он не входил в число друзей, но имел светлую голову. Отставной подполковник артиллерии, внештатный чиновник Восьмого делопроизвод-

³⁹ В царской России не было специальных тюрем для бывших полицейских: они сидели вместе с другими арестантами, но в особых «леговых» камерах.

⁴⁰ Маз – атаман банды (жарг.).

ства приглянулся Лыкову, когда они вместе ловили банду Лоренцева⁴¹. Сейчас особые способности этого человека могли пригодиться. Иван Федорович обладал умением из деталей собирать целую картину.

В последний момент к собравшимся присоединился статский советник Белецкий. Исполняющий обязанности вице-директора Департамента полиции и будущий директор, он сам выказал готовность помочь своему коллеге. Учитывая, что Зуев вот-вот уйдет в сенаторы, это было весьма кстати.

Когда все расселись в зале и Ольга Дмитриевна обнесла их чаем, Лыков попытался отослать ее прочь. Но супруга воспротивилась. Она заявила, никого не стесняясь:

– Сяду с вами и буду слушать. Рот обещаю не открывать... если только совсем не прищипит. Но ты мой муж, и я должна знать, что тебя ждет.

Грозному сыщику и без пяти минут арестанту пришлось смириться.

Алексей Николаевич описал ситуацию, в которой он оказался. Открыто предварительное следствие, его результат легко предсказать. Два министра, Щегловитов и Макаров, решили посадить Лыкова в тюрьму. За то, чего он не совершал. Следователь готовит заключение. Аргументы у него такие, что не подкопаешься. Пять свидетелей, репутация сыщика, личный мотив против погибшего – один к одному. Жесткий выговор от министра ложится в ту же канву: строптивый подчиненный обиделся и решил показать, что он плевать на всех хотел...

В результате обвинительный приговор практически неизбежен. Можно лишь пытаться снизить меру наказания с каторги до арестантских рот. Если удастся, уже хорошо! По мнению юристов, Лыков получит три с половиной года и сядет в Литовский замок. Там есть Четвертое отделение, в нем отбывают срок те, кто прежде принадлежал к привилегированным сословиям. И хотя в тюрьме все арестанты равны в своей бесправии, прошлая жизнь позволяет «бывшим» сидеть с относительным комфортом. А не соседствовать с ворами, бродягами и прочим сбродом...

– Обвинение можно разрушить лишь одним способом, – продолжил свой доклад Алексей Николаевич. – А именно заставить лжесвидетелей изменить показания на правдивые. Сейчас, до суда, это сделать нельзя. Придется ждать, когда меня упекут за решетку. Дальше все зависит от вас, господа. Дело быстро забудут, у вас окажутся развязаны руки. Давайте думать, как вести неофициальное дознание, цель которого – вернуть мне прежнюю жизнь. Там, на шконке, сам я ничего не смогу, вся моя надежда на вас. И на людей Филиппова. Владимир Гаврилович обещал всячески помогать. Его сыщики беспрепятственно ходят в ДПЗ по своим делам, они могут надавить на лжесвидетелей. И уже пытались сделать это наскоком, но не получилось. Нужна осада, долгая, трудная, требующая сил, времени, денег. А я буду сидеть и ждать.

Следующим выступил шеф Восьмого делопроизводства коллежский советник Лебедев. Он частным образом переговорил с прокурором Петербургской Судебной палаты Корсаком и его товарищем Устарговским. Те ждут не дождутся окончания предварительного следствия. Корсак уже набросал вчерне письменное представление палате о возбуждении против Лыкова судебного следствия. Машина работает, все хотят угодить Щегловитову. С формальностями закончат быстро, возможно даже, до Нового года.

Публика в комнате собралась бывалая, галдеть про невиновность никто не стал. Люди сразу заговорили деловито, без лишних слов. Азвестопуло сказал:

– Надо разобщить негодяев по-настоящему. Их, конечно, рассадили порознь, когда начали дознание смерти Мохова. Но это же ДПЗ! Ребят сунули в общие камеры. Они встречаются каждый день, то в бане, то в уборной. Всегда смогут сговориться. Хорошо бы Дригу с Кайзеровым перевести в другую тюрьму. Явно они заправили, а тех троих запугали.

⁴¹ См. книгу «Восьмое делопроизводство».

– Бандитам светит каторга, – напомнил Лебедев. – Но не раньше, чем закончится следствие и состоится суд. На это месяцы могут уйти... Лишь тогда Степку с Лукой отправят в пересылку. Уговорить бы начальство распахать лжецов по одиночным камерам. Но кто обратится? Алексею Николаевичу нельзя.

Остальные пожалы плечами. Предложение поставило всех в тупик. Начальником ДПЗ служил Светловский, которого Алексей Николаевич знал как облупленного. Но теперь это знакомство было бесполезным.

Тут заговорил Белецкий:

– Светловского попрошу я. Но лишь после того, как стану директором Департамента полиции. Тогда моя просьба будет более веской. Сейчас же это делать преждевременно, мы только привлечем ненужное внимание юстиции.

– А когда случится ваше назначение? – спросил генерал-майор Таубе.

– Не раньше февраля следующего года. До этого срока место для Нила Петровича в Сенате не освободится.

– А суд произойдет намного раньше, так?

– Так, ваше превосходительство.

– Для вас Виктор Рейнгольдович.

– Благодарю. А я Степан Петрович, для всех присутствующих.

– Мы очень ценим вашу готовность помочь, – продолжил Таубе на правах старшего в чине. – Все, кто здесь собрался – за исключением, пожалуй, Ивана Федоровича Анисимова, – давние друзья Лыкова. То, что мы собираемся спасти его честное имя, нечто само собой разумеющееся. Он бы сделал то же самое, попади в беду кто-то из нас. Ваша помощь другого сорта, тем приятнее ее получить. Но... столь длительное назначение... Никак нельзя разбросать арестантов пораньше? Чтобы колоть по одному. Каждый день взаперти для нашего друга – испытание. И риск.

– Понимаю, – ответил Белецкий. – Но я в столице два года с небольшим. А вы здешние. Поищите между своих знакомых тех, к кому вы можете обратиться с подобной просьбой. Это должны быть влиятельные люди.

– Пока я на свободе, могу попросить Дурново, – предложил Алексей Николаевич. – Вряд ли начальник ДПЗ откажет бывшему министру внутренних дел и видному члену Государственного совета. А Петр Николаевич мне поможет.

– Вариант, – записал на листе бумаги генерал. – Какие еще есть предложения? Ждать до февраля опасно. Надо разобщить лжецов как можно быстрее.

Задача была трудной. ДПЗ подчинялся Главному тюремному управлению. А то, в свою очередь, министру юстиции Щегловитову, который решил укатать сыщика Лыкова в тюрьму. Светловский должен был выполнить просьбу, идущую вразрез с желанием начальства. Зачем ему подставляться?

– А само тюремное управление? Кто знаком с его начальниками? – задал логичный вопрос Анисимов.

– Тот же Алексей Николаевич знает всех, начиная с Хрулева, да что теперь от этого толку? – зло ответил грек. – Я вот тоже многих оттуда знаю. Но кто прислушается к коллежскому асессору?

– Я и с Коковцовым знаком, – съязвил Лыков. – В свое время чуть было не женился на его сестре, да Бог уберег. Сейчас состоял бы зятем при премьер-министре. Черта с два меня бы тогда посадили!

– А к генерал-майору Таубе в ГТУ не прислушаются? – вставил Запасов.

– Генерал к их епархии отношения не имеет, и его просьбу сочтут неуместной, – пояснил Павел Лыков-Нефедьев.

– А Филиппов не может попросить об этом? – не унимался жандарм. – Он на Шпалерную каждый день поставляет всякую гиль.

– Филиппов и без того помогает, чем может. Но он из градоначальства, и чин у него невелик, – возразил Алексей Николаевич. – Откроется человек, а толку с гулькин клюв. Только вызовет неудовольствие Макарки. Нужен гаубичный калибр. Завтра же иду к Дурново!

Василий Иванович Лебедев вдруг напомнил:

– У нас же Курлов прежде служил начальником тюремного управления. Давайте его попросим по старой памяти обратиться к смотрителю ДПЗ... Думаю, он не откажет.

Но все наперебой отвергли эту идею. Курлов под следствием, обвиняется чуть не в пособничестве убийце Столыпина! Как на Шпалерной отнесутся к просьбе опального генерала? Нет, лучше найти другие пути.

– Значит, все думаем над этим вопросом, – приказал Виктор Рейнгольдович. – А пока идем дальше. Допустим, мы рассадили мерзавцев по разным тюрьмам. Люди Филиппова начали их мытарить: сознайтесь, иначе хуже будет. Лгуны теперь один на один с полицией, защитит их некому, они начинают нервничать и давать слабину. Наши действия?

Опять заговорил Запасов:

– Я к каждому приду на допрос, в форме и с грозной физиономией. Скажу: желаете на каторгу по политическому обвинению? Легко и с удовольствием. Вставлю вас в любое дело, показания агентуры подошью, улики подброшу. И поедете в Зерентуй на пятнадцать лет! Посмотрим, как они тогда запоют.

Мысль была сильная. Связываться с жандармами в России мало кто хотел. Только провинись перед ними – и окажешься очень далеко.

Таубе обратился к капитану Продану:

– А что может армия, Игорь Алексеевич?

– Вот я им шпионаж пропишу, – свирепо ответил контрразведчик. – Восемь лет каторги уже обеспечено. Мы с Дмитрием Иннокентьевичем навалимся на стервецов с двух сторон. Будем давить, пока сок не полезет.

Вроде бы для первого заседания комитета по спасению Лыкова, как иронично окрестил его Азвестопуло, идей было достаточно. Можно и расходиться. Но под занавес речь взял аналитик. Анисимов спросил бывшего шефа⁴²:

– Как вы объясняете случившееся? Пять арестантов решили повалить знаменитого сыщика. Который тридцать лет их конопатил. Согласитесь, смелый поступок. И рискованный. Только ли месть стоит за ним?

– Да, – оживился Таубе, – признавайся, Алексей Николаевич: кому ты перешел дорогу на этот раз? Мы уже рассуждали на эту тему, ломали голову.

– И мы с Сергеем Маноловичем рассуждали. Вроде никому я дорогу не переходил. Вел обычные дознания.

– Точно ли? Похоже на умелую руку. Так подгадать: арест Мохова, к которому у тебя имеются личные счеты. Затем резкий разговор с министром. И буквально несколько дней спустя – смерть арестанта после допроса. Для Макарова это было словно красная тряпка для быка. Он потерял способность мыслить логически. Ведь забить арестанта до смерти в столичной тюрьме – полнейшая глупость. Такой опытный человек, как ты, никогда бы на это не пошел. Я вот понимаю, что ты не убивал Мохова на допросе. Захотел – сделал бы это по-умному. Но ваш далдон рассудил по-своему. Как дурак рассудил.

⁴² Анисимов подчинялся Лыкову, когда тот временно исполнял обязанности делопроизводителя Восьмого делопроизводства.

Все собравшиеся, кроме военных, подчинялись министру внутренних дел. И слушать такие эпитеты в адрес начальства им было не совсем ловко. Однако в душе каждый согласился с генерал-майором.

– Так, стало быть, никому из сильных мира сего вы не насолили? – вновь заговорил Анисимов. – Подумайте еще раз. Не верю я в такие совпадения.

Лыков рассудительно ответил:

– Задумать и осуществить заговор против меня мог только кто-то весьма и весьма влиятельный. И очень информированный. За шесть дней все увязать! Таких мне уже давно не встречалось. Подобный масштаб – для князя Мамина. Вот был противник! Его афера с кражами на железных дорогах до сих пор поражает своими оборотами. Три миллиона вывез во Францию в золотых монетах. Но Мамин умер под следствием два года назад. Навряд ли это он мстит мне из могилы.

– А точно умер? – засомневался Анисимов. – Хитрый человек и смерть подделает.

– Точно, – подтвердил сыщик. – Я, признаться, так же думал. Поэтому на всякий случай поехал на опознание. Князь мертв.

На этом совещание закончилось. Гости разошлись, а хозяин заперся в кабинете и выдул чуть не бутылку коньяка. В последние несколько дней он часто стал так делать. Наверное, слишком часто, и Ольга уже высказывала ему свое неудовольствие. Но Алексей Николаевич не мог иначе совладать с поселившимся внутри страхом. Его – и в тюрьму! Отнимут ордена. Переоденут в арестантский халат, обреют коротко и запечатают в камеру. Ужас, ужас, в это невозможно поверить, и смириться тоже невозможно. Но ход событий, кажется, неумолим. Как тут не напиться?

Потянулись тягостные дни. Чегодаев-Татарский по требованию сыщика устроил ему очные ставки с сидельцами сороковой камеры. Кайзеров и Дрига вели себя нагло и бесцеремонно. Тыкая пальцами в пока еще статского советника, они диктовали под запись свои лживые показания. Как несчастный Вовка Мохов, шатаясь и стеная, едва вошел в камеру. Как сполз на пол и они с трудом уложили его на кровать. Тот начал рассказывать о допросе, в подробностях описывал, каким зверским побоям подвергся он от кулаков бесчеловечного полицейского чиновника. Успел-де пояснить, что Лыков мстил за своего товарища, которого застрелили в Москве. Даже фамилию они запомнили: Форосков. А потом, уже за полночь, когда все уснули, Вовка стал хрипеть, посинел, начались судороги. Кончался, мол, несчастный человек от невыносимых мучений.

– А что же вы не позвали надзирателя? – спросил судебный следователь.

– Побоялись. Очень они не любят, когда их посреди сна будят.

– Так и дали помереть товарищу?

– Да какой он нам товарищ? Своя шкура дороже. Хотя фартовый был неплохой, да.

– А Лыков вас самих, вы говорили, прежде бил на допросах?

– Еще как, ваше высокоблагородие. Зверски. Мы потому и не удивились словам Вовки, что на своих боках испытали. Да он всех лупил, без нужды, а просто по врожденной своей злобе. Безднаказанность, вот и бьют...

Лыков ожидал подобного поведения и даже перенес этот фарс спокойно. Его больше интересовали трое других сокамерников. Комитет по спасению сыщика именно на них строил свой расчет.

Первым зашел Иван Трунтаев, налетчик по первому сроку. Он начал уныло гундосить то же, что минуту назад говорили гайменники. Слово в слово! Алексей Николаевич обратил на это внимание следователя, тот кивнул, и только. Сыщик сверлил арестанта взглядом, но Трунтаев смотрел в пол, не поднимая глаз на собеседника. На вид купеческий сын казался молодцом: крепкий, плечистый, русые волосы да голубые глаза. Мог бы стоять за отцовским прилавком и зашибать деньги. А пошел в скоки. Удастся ли сломать такого, заставить изменить показания?

Лыков решил, что удастся. Лука со Степкой убийцы, у них руки по локоть в вохре⁴³. Трунтаев – простой грабитель, людей обирал, но без оружия.

Грабеж – это вам не разбой. Разбойник «напал на свою жертву открытой силой, с оружием в руках, или хотя бы и без оружия, но нападение сопровождалось или убийством, или увечьем, или такими угрозами, от которых происходила явная опасность». Так трактует закон. А грабеж хоть и является тем же «отнятием имущества с насилием и угрозами, но угрозы и само насильственное действие не представляли опасности ни для жизни, ни для здоровья потерпевшего». Оттого и сроки наказания так разнятся. За все виды разбоя полагается каторга, а за некоторые даже бессрочная. Грабителю же дают от четырех до шести лет исправительных арестантских отделений. Поэтому сломать, запугать скока значительно проще.

Очная ставка с Трунтаевым завершилась предсказуемо. Лыков уличал его во лжи, тот божился, что говорит чистую правду. И готов был подтвердить ее на суде.

Следом прошли еще две ставки, как под переводную бумагу⁴⁴. Свидетели Несытов и Бабкин оказались ворами-домушниками. В уголовной иерархии они стояли много ниже гайменников. Оба попались с поличным, сумма уложенного ими в мешки имущества была оценена пострадавшим в пятьсот два рубля. Это особенно злило воров, поскольку всего чуть-чуть превышало «тюремный» предел. При краже до пятисот рублей наказание полагалось отбывать в тюрьме и срок – до года. А тут два рубля сверху – и сразу к дяде дрова колоть. То есть отбывать арестантские роты, да еще сроком до трех лет.

Свою злобу красные⁴⁵ охотно отыграли на сыщике. Сказали, что собственными ушами слышали, как умирающий Вовка Держивморду крыл Лыкова и называл его убийцей.

Лыков пожелал присутствовать при допросе надзирателей, но Чегодаев-Татарский отказал. У вас, заявил он, будет такая возможность в суде, там и удовлетворите свое любопытство.

Алексей Николаевич покинул камеру следователя на Литейном убежденный, что лже-свидетелей можно уломать. Всех троих. Это будет трудно, но они недолго продержатся, если сыскные навалятся на них всерьез. Плохо, что воры уже отбывали прежде заключение и, стало быть, люди опытные. Такие наострились дурить полицию, пообтесались, с ними придется особенно повозиться. Опять же, Петербург. Пригрозит им Запасов жандармским преследованием, а они мигом жалобу в прокурорский надзор... Это в Калуге или Рязани кричи-кричи – не докричишься. В столице не так, и бывалые арестанты это знали и использовали.

⁴³ Вохра – кровь (жарг.).

⁴⁴ Переводная бумага – копировальная.

⁴⁵ Красный – вор (жарг.).

Глава 5

Накануне процесса

Чегодаев-Татарский слепил обвинительный акт за десять дней. Своего рода рекорд для российской законности! Прокурор тут же его подписал и направил министру внутренних дел на согласование. Макаров переслал бумагу для визирования директору Департамента полиции.

Зуев вызвал Лыкова, показал ему акт и посмотрел затравленно. Сыщик кивнул:

– Конечно, визируй.

– А ты?

– А ты? – ответил той же монетой статский советник тайному. – Я-то не пропаду, капиталы выручат. Нил Петрович, думай о себе. Если не дашь сейчас согласие предать меня суду, Макаров все равно своего добьется. Он уже решил. А ты вместо Сената вылетишь в отставку без усиленной пенсии.

Зуев не заставил себя уговаривать. Он поставил свой автограф и пробурчал:

– Извини меня, Алеша.

– Не кайся, все правильно сделал, – хлопнул начальника по плечу подчиненный и вышел из кабинета.

Согласно пункту 476 Устава, Лыков мог потребовать от следователя законченное им предварительное производство. Он, естественно, воспользовался своим правом. Получив огромный конверт с бумагами, сыщик начал внимательно их читать. И узнал о себе много нового. Коллежский советник свалил в одну большую кучу все прежние грехи сыщика, сделав вывод, что тот патологически жесток и убил Мохова умышленно. С обдуманым заранее намерением. Мстил за товарища, будучи к тому же раздражен из-за выговора, полученного от министра. Деяния чиновника подпадают под статью 1484 часть первая и подлежат наказанию в виде лишения всех прав состояния и ссылки в каторжные работы на срок от восьми до десяти лет. К акту прилагался список свидетелей, которых обвинение желало вызвать в судебное заседание. Там были все пять сокамерников умершего и три надзирателя.

Лыков тщательно изучил следственное дело и обратил внимание на протокол допроса выводного надзирателя⁴⁶ Фуршатова. Допрос почему-то был принят следователем под присягой. Так делалось лишь в случае, если свидетель собрался в дальний путь и возвращение его может замедлиться. То есть он не сумеет потом явиться на суд и подтвердить свои показания. В пояснении указывалось, что Фуршатов тотчас после допроса отбывает в дальние местности по личной надобности. А именно увольняется от службы и вступает в права наследования спичечной фабрикой в Мезени. Разве в этом ссылочном городишке есть фабричное производство? Странно... Сыщик стал читать показания выводного и поразился. Тот заявил, что Мохов после общения с Лыковым едва передвигал ноги и то и дело просил отдыха. Лицо его было багровым, подследственный держался за грудь. И за живот тоже держался. Был испуган и подавлен. Он, Фуршатов, спросил арестанта, не нужен ли доктор и нет ли у него каких жалоб. А Вовка ответил: пожалуюсь – только хуже будет. И смолчал, а к утру умер.

Тут Алексей Николаевич наконец понял, что против него составлен целый заговор. И это не просто месть двух бандитов, а нечто большее. Если выводной надзиратель предварительной тюрьмы дает заведомо ложные показания, а потом спешно уезжает к Белому морю... Ведь в обычной ситуации он ни за что не принял бы полуживого арестанта в тюрьму. Сразу написал бы рапорт! Взяв избитого человека, надзиратель тем самым берет на себя ответственность за

⁴⁶ Выводной надзиратель выводит арестантов из камер в отхожее место, в баню, на прогулку и на допрос. Принимает счетом от отделенного (коридорного, постового) надзирателя.

него. Какой разумный стражник так поступит? А Фуршатов взял. И рапорт по команде подал лишь утром, когда Мохов был уже мертв. Явная ложь, а судейские ее принимают...

Кто-то заплатил Фуршатову за вранье, и хорошо заплатил, если он оставил службу в столице и спешно исчез. Скорее всего, ни в какое наследство ни в какой Мезени он не вступал. А сорвал куш и перебрался в глухомань, пересидеть годик. Купил табачную лавку где-нибудь в Уржуме и затаился. Но ведь приобрести лавку стоит недешево. Кто даст такие деньги за голову заурядного чиновника? А те семьдесят пять рублей, что нашли при обыске у Трунтаева? Если сунули ему, значит, не обошли и других свидетелей. А непосредственные убийцы, Кайзеров и Дрига, по таксе должны стоять еще дороже. М-да... Человек, решивший вычеркнуть сыщика из жизни, средств не жалел. Кто же этот богатый недоброжелатель?

Притом не одни лишь деньги решали дело. Незвестный враг знал о стычке Лыкова с министром. О том, что Лыков признал в Вовке убийцу своего товарища. Далее каким-то чудесным образом он свел в одной камере двух давних недругов сыщика и свежее испеченного подследственного Мохова. Заплатил ребятам за то, чтобы они забили до смерти своего же фартового. Сунул трем другим свидетелям и научил, какие надо дать показания. Подкупил выводного и убедил его бросить службу и скрыться из города. Так не бывает! И тем не менее со статским советником все произошло именно так.

Протоколы допроса двух других надзирателей были в пользу сыщика, но изобиловали словами «вроде бы» и «не очень твердо помню».

Между тем дело о нанесении смертельных увечий подследственному Мохову перешло к прокурору Судебной палаты, а тот поручил его своему товарищу, коллежскому советнику Устарговскому. Рьяный чиновник проявил выдающееся усердие и закончил обвинительный акт за два дня. Переписав слово в слово материалы предварительного следствия. Видать, торопился к Рождеству.

Колесо Фемиды покатило дальше, причем с нарастающей скоростью. Прокурор представил Судебной палате письменное предложение о возбуждении судебного следствия. Один из ее членов сделал палате доклад по собранным материалам. Затем прокурор объяснил собственный взгляд на дело, доложил свои выводы и вышел вон. В его отсутствие члены палаты обсудили услышанное, затратив на все полчаса. Признав предварительное следствие достаточно полным и проведенным без нарушений существенных форм и обрядов судопроизводства, Петербургская судебная палата постановила окончательное определение: предать статского советника Лыкова суду.

Вечером следующего дня на квартиру сыщика пришел рассыльный и вручил ему под роспись обвинительный акт. К нему прилагалось извещение Судебной палаты. Там было написано, что в течение недели обвиняемый должен сообщить суду, кого он выбрал себе в присяжные поверенные, и дать список свидетелей защиты.

Алексей Николаевич выпил очередную бутылку коньяка, погоревал, а утром вызвал к себе на квартиру адвоката Сандрыгаило. Его рекомендовали юрисконсульты МВД.

Пришел авантажный мужчина лет сорока, богато одетый, с бриллиантовыми запонками и булавкой в галстук.

– Добрый день, господин Лыков! – протянул он хозяину руку. – Много о вас слышал. Клиентов мне поставили – человек десять. И все серьезных, не какую-нибудь шантрапу. Хе-хе... Меня звать Август Мефодьевич.

– Теперь вот сам стал вашим клиентом, – вздохнул сыщик. – Тяжело, знаете ли. Поговорим?

– Поговорим. Я хочу сразу предложить вам заболеть.

– Как это заболеть? Зачем?

Сандрыгаило пояснил:

– Прикинуться больным, конечно же. Чтобы потянуть время.

– Но что это мне даст? – недоумевал сыщик.

– А вот смотрите. Хворать можно долго, месяцы, если не годы. Все это время судить вас нельзя, им придется ждать. А там, глядишь, все как-то само собой рассосется.

– Ничего не рассосется, – рассердился Алексей Николаевич. – Они не отстанут. Жить на ниточке, под лупой? Не желаю.

И протянул гостю бумаги:

– Вот обвинительный акт.

Адвокат нацепил на нос золотые очки, взял бумаги, начал их читать и сразу сделался торжественно-серьезен. Дошел до конца, перечитал еще раз и со вздохом вернул Лыкову:

– Однако! Идет по верхнему пределу.

– И о чем это говорит?

– Максимальное наказание по предъявляемому вам обвинению – десять лет каторжных работ. Ну, суд учтет ваши прошлые заслуги и скостит годика два. Получите восемь. На это Устарговский согласится, он специально задрал максимум, чтобы можно было чуть-чуть съехать вниз. Обычная его тактика.

– Если мы договоримся, что вы предложите в качестве средств защиты?

– Давайте сначала договоримся, – по-деловому ответил Сандрыгайло. – Мое предложение такое. В случае, если суд удовлетворит требование прокурора, я не получаю ничего. Кроме, разумеется, моральной пощечины. Если срок уменьшат до семи-восьми лет каторжных работ, я получаю от вас сто рублей и другую пощечину. А если мне удастся снизить наказание до трех с половиной лет исправительных арестантских отделений, вы платите мне три тысячи. Ну как?

– Полностью избавить меня от кутузки вы считаете делом невозможным?

Адвокат с трудом удержал смех.

– Алексей Николаевич! Не стройте иллюзий. Ваше положение очень сложное. Два министра спустили собак. Видите, как гонит контора? Такая спешка неслучайна.

– Это я понимаю.

– Тогда поймите и другое. Избавить вас от каторги – вот главная задача. Она очень трудна, но хотя бы решаема. Потом, надежда сохраняется и после вынесения приговора. Вы лично известны государю, можете нажать рычаги – и он вас помилует.

– Для этого я должен обратиться к нему с соответствующей просьбой, – напомнил присяжному поверенному сыщик. – Я же не намерен этого делать.

– Почему?

– Потому что в таком случае я признаю свою вину. Но вины нет, понимаете? Я не убивал Мохова!

По глазам гостя хозяин понял, что тот ему не верит. Как же тогда он будет его защищать? Как все они – за деньги? Придется терпеть...

– Вернемся к нашему договору, – заговорил Сандрыгайло. – Мои условия вас устраивают?

– Да.

– Вам все понятно? Мы изложим детали в соглашении, если желаете. Это не совсем законно, но если требуются гарантии на случай моей возможной нечистоплотности...

– Не требуются, – отрезал Лыков. – Полагаю, мы поверим друг другу на слово. Нужен аванс, чтобы вы начали готовиться к процессу?

– Нет. Фактически я уже начал. Итак, первый вопрос: кого из свидетелей может вызвать защита?

– Я уже думал об этом, Август Мефодьевич. Один из надзирателей, некто Фуршатов, сказал заведомую ложь и уехал из города...

– Как уехал? Кто его отпустил до суда?

– Следователь отпустил, а показания взял под присягой, согласно статье четыреста сорок второй Устава уголовного судопроизводства. Фуршатов уволился от службы и якобы поехал в Мезень вступить в права наследования.

– Вы сказали, он вас оболгал? – вцепился адвокат.

– Да, самым бессовестным образом.

– Но его слова совпадают со словами тех пяти арестантов, верно?

– Верно. Тут заговор, сильный против меня заговор.

Сандрыгайло не обратил на эти слова никакого внимания и констатировал:

– Это здорово подкрепляет позиции обвинения.

– Я понимаю. Но как раскрыть ложь?

– Буду думать. На чьи показания в вашу пользу я могу опереться?

– Во-первых, есть другие надзиратели той смены, когда я допрашивал Мохова. Они сообщили, что Вовка вернулся в камеру на своих ногах, не стонал, не жаловался и не имел никаких внешних признаков побоев.

– Уже хорошо! – ободрился присяжный поверенный. – Вот на таких косвенных деталях и строится обычно защита. Моя задача – посеять сомнения в умах сословных представителей. Судьи будут смотреть в бумаги и верить прокурору. А представители смотрят на вас и слушают адвоката.

– По вашему опыту, Август Мефодьевич, они совсем несамостоятельны в процессе? Даже представители дворянства?

– Увы, Алексей Николаевич. Если бы ваше дело рассматривалось судом присяжных, шансы на мягкий приговор были бы больше. Присяжные судят исходя из своего житейского опыта, и многие уже поднаторели, чувствуют себя на процессе как дома. Но ваш случай – преступление должности, такие рассматривает коронно-сословный суд. Состав его будет следующий: старший председатель или председатель одного из департаментов Петербургской судебной палаты и три члена уголовного департамента. Получается, всего четверо профессиональных судей. Их дополняют трое сословных представителей: губернский предводитель дворянства, городской голова (от мещан) и один из волостных старшин Санкт-Петербургского уезда (этот будет от крестьянства). Скорее всего, первые двое, как большие шишки, сами в суд не придут, а направят своих заместителей. Хорошо бы таковых заранее узнать и обработать их в вашу пользу. А самостоятельность этих временных судей весьма условная. Как правило, они смотрят в рот председателю.

– Выходит, полностью оправдать меня такой состав суда не сможет?

Сандрыгайло поморщился:

– Чем скорее вы забудете про оправдательный приговор, тем будет лучше для вас.

– Но...

– Слушайте меня внимательно, Алексей Николаевич. Вы обвиняетесь по статье триста сорок шестой Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Там говорится: «За причинение чиновником, или иным лицом, состоящим в службе государственной или общественной, при отпращивании должности своей, кому-либо с намерением и без явной необходимости, ран или увечья, виновный подвергается высшей мере наказания за сии преступления, определенные в статьях...» Ну и так далее. То есть обвиняетесь в служебном преступлении. Наказание берется из статьи тысяча четыреста восемьдесят четвертой, а там ничего хорошего. Ибо от нанесенного увечья последовала смерть. В соответствии с первой частью этой статьи прокурор требует для вас десять лет каторжных работ, поскольку считает ваши действия умыслом. Я же намерен переqualифицировать обвинение на вторую часть указанной статьи и добиться для вас наказания в три с половиной года исправительного дома. Как совершенные без умысла.

– Я это понимаю, мы так и рассуждали с моим помощником.

– Идем далее, Алексей Николаевич. Суд вынесет в отношении вас решение, которое является окончательным. В апелляционном порядке обжаловать его нельзя, только кассировать в Сенат. Так что... Все решится сразу и навсегда.

– Но я сам могу опротестовать решение?

– Можете. Жалуйтесь на незаконное осуждение или на тяжесть назначенного наказания. Для этого и существует Сенат. Однако и прокурор со своей стороны может кассировать решение суда, в случае несправедливо мягкого, по его мнению, наказания. И что придет в сенаторские головы, можно лишь гадать. Не было бы хуже!

Лыков задумался. Действительно, не усугубить бы свою участь. И вместо Литовского замка оказаться в Забайкалье...

Он отлучился в комнаты, попросить Ольгу подать им чаю с ромом. После чего вернулся и продолжил разговор:

– Август Мефодьевич, мои клиенты, как вы изволили недавно выразиться, люди серьезные. После общения с прокурором на них, как правило, надевали кандалы. Исправительный дом я знаю много хуже. Я бывал там, конечно. Но в другом качестве: допросы проводил, очные ставки... Скажите, пожалуйста, что меня там ждет? Как устроено наше законодательство?

Адвокат приосанился:

– Охотно. Исправительные работы второй степени⁴⁷, уж как пить дать... Примите эту мысль прямо сейчас, Алексей Николаевич, и смиритесь с ней. Еще очень повезет, если соскочим мы с вами с каторги! Так вот, что дальше. Увы, над вашей головой сломают шпагу в кордегардии Окружного суда. И отвезут в Литовский замок. Так что готовьте чемоданчик с нужными вещами. Бритву не надо, ее отнимут, а вот зубной порошок, носовые платки, лекарства, гигиенические средства... не знаю, там, подусники, фабриолин, туалетную бумагу – это все берите. Что забудете, супруга на другой день принесет.

На этих словах открылась дверь, и вошла Ольга Дмитриевна с подносом. Она поставила его перед гостем и сказала проникновенным голосом:

– Конечно принесу. Но вы уж, Август Мефодьевич, постарайтесь. А мы не останемся в долгу.

Лыков недовольно двинул бровью. Оконишникова быстро расставила чай, ром, сахар и закуски, после чего поспешила удалиться.

– Итак, поехали дальше. – Присяжный поверенный отхлебнул рому и улыбнулся довольно: – Хорош! ... По закону отбывать наказание вы должны в своей губернии, стало быть – в Литовском замке. Если там мест не окажется, закон позволяет посылать арестантов в исправительные отделения близлежащих губерний. Но для бывшего статского советника, думаю, место найдут.

Лыков поежился от слова «бывший» и тоже приложился к рому.

– Три с половиной года вам сидеть не придется, если будете вести себя примерно, – как ни в чем не бывало продолжил Сандрыгайло. – По приходу вас сперва запишут в разряд испытуемых, так же как это полагается на каторге. И быть вам в этом статусе ровно два года. Затем попадете в разряд исправляющихся. Для этого надо отличиться добрым поведением, исполнением обязанностей веры и прилежанием к труду. А в разряде исправляющихся десять месяцев заключения идут за год. Уже хорошо!

– Прилежание к труду... Я должен буду пеньку расплетать на веревочки?

– Нет, конечно. С вашими капиталами вы легко наймете арестанта, который будет трудиться и за себя и за вас. Дело в том, Алексей Николаевич, что переводят в льготный разряд лишь тех, кто занят работами. В этом суть арестантских отделений, вы же знаете. Труд там

⁴⁷ Исправительные работы второй степени – от 3 до 3,5 года.

обязанность. Если кого по состоянию здоровья освобождают от работ, то он не может претендовать на перевод в другой разряд. И тогда десять месяцев за двенадцать не пойдут.

Адвокат улыбнулся так радужно, словно речь шла о пребывании в санатории.

– Но и это еще не все! – Август Мефодьевич даже потер ладони. – Мы сможем по истечении определенного времени вести разговор о досрочном освобождении. Главное – не конфликтовать с тюремным начальством. А там ваши друзья на воле – при моей помощи, конечно, – все оформят и подадут как надо.

– Досрочное освобождение когда делается возможным? – спросил сыщик, берясь за карандаш.

– По истечении трех четвертей срока. С учетом того, что последние полтора года у вас пойдет десять месяцев за год, реально вам придется сидеть... сейчас посчитаю... два года и пять месяцев. На год с месяцем меньше, чем приговорит суд. Ловко?

Алексей Николаевич записал и продолжил расспросы:

– А что ждет меня после выхода на волю? Я сделаюсь мещанином, ведь так?

– Ну, можете записаться в крестьянство. Семейственные права и права на прежнюю собственность у вас останутся, только имение перейдет в опекунское управление...

– Именья у меня нет, оно принадлежит сыновьям, – пояснил Лыков.

– Ну, тем лучше. Так вот. После того как выйдете на волю, вас поместят под надзор местной полиции сроком на четыре года. Поселитесь, где хотите, по собственному выбору. Вы будете не вправе изменять место жительства и удаляться от него без особого, в каждом случае, дозволения полиции. Есть и другие ограничения.

– Да, что-то я помню... Мне нельзя будет жить в столицах?

– Не только в столицах запретят вам жить, но и во всех местностях столичных губерний. Также и в губернских городах и их уездах. В любом местечке, отстоящем от губернского города ближе чем на двадцать пять верст, вас тоже не пропишут.

– А в Варнавине можно? – с надеждой уточнил сыщик.

– Который в Вятской губернии? Там можно, он от Вятки далеко.

– Еще что мне запретят?

Сандрыгайло наморщил лоб, вспоминая.

– Э-э... Вступать в государственную или общественную службу. Записываться в гильдии или получать какое бы то ни было свидетельство на торговлю. Быть избираемым в третейский суд. Так-так, что там дальше? А! Выступать свидетелем при договорах и других актах, давать по гражданским делам свидетельство под присягой. Без присяги тоже нельзя! Кроме тех случаев, когда суд сочтет необходимым потребовать ваши показания. Еще вы не можете быть чьим-либо опекуном, попечителем или поверенным.

Алексей Николаевич обдумывал услышанное и крутил головой. Потом сказал:

– Быть опекуном – ладно, не очень и хотелось. Еще меньше я собирался заниматься торговлей. Но что насчет сыщика Лыкова? Теперь, значит, никогда его больше не будет?

– Никогда, – веско объявил адвокат. – Запрет на государственную службу пожизненный.

Вечером Алексей Николаевич ввалился без телефона к Таубе. Барон неожиданно получил очередное наследство, продал свой домик на Выборгской стороне и купил взамен другой – поменьше, зато в престижной Адмиралтейской части. Домик был о двух этажах, из восьми комнат и стоял в конце Галерной улицы. Единственный ребенок четы Таубе, дочь Татьяна, весной вышла замуж за поручика Преображенского полка Демут-Малиновского. Молодые заняли второй этаж, а барон с баронессой поселились на первом. По вечерам они ходили гулять в Демидов сад, играли в лото и мечтали о внуках. Генерал пописывал мемуары, но без вдохновения. Самое интересное рассказывать было нельзя – преждевременно...

Увидев гостя, хозяин не удивился и не обрадовался. Молча вынул бутылку коньяка и две серебряные стопки начала прошлого века. Закуски не предложил.

Мужчины махнули по полчижика, и Лыков сказал жалостливо:

– Присяжный поверенный сейчас заявил, что меня точно посадят. Могут даже в каторгу.

– Так тебе и надо. Заслужил репутацию человека, который сам себе закон. Теперь она тебя топтит.

– Но я же лишь тех, кого следовало...

– Присяжным объяснишь. Если дадут сказать.

– Их не будет, а будут сословные представители.

Барон тоже расстроился:

– Эти много хуже. Что судьи решат, то они и подпишут.

Он налил еще по рюмке и сказал:

– Я говорил о тебе с военным министром. Тот сегодня вечером докладывает государю, обещал осторожно прошупать... Напомнить Его Величеству о твоих прежних заслугах.

– Как ты не понимаешь, – осерчал сыщик, выпивая вторую стопку, – что это равно наказанию ни за что? Если царь помилует меня, значит, я виноват. Меня пощадили, но – виноват. А я невиновен!

– Успокойся, Леша. Речь пойдет не о помиловании. Государь может просто отменить это судебное преследование без последствий. Раз – и нету. И тогда вопрос, виновен или нет, отпадет сам собой. Государю виднее.

Алексей Николаевич подумал и мотнул головой:

– Хорошо бы так. Но она не позволит. Она ничего не забыла, германская гримза.

В результате статский советник в очередной раз напился, и Таубе лично отвез его домой на извозчике.

Они оба никогда не узнали, что в тот же вечер между государем и государыней произошел важный разговор. За чаем он спросил:

– Аликс, ты помнишь Лыкова?

Александра Федоровна молча кивнула. Супруг продолжил:

– Час назад мне докладывал Сухомлинов. Когда он закончил про дела по министерству, вдруг заговорил об этом человеке. Оказалось, Лыков убил арестанта на допросе. Точнее говоря, избил так сильно, что тот ночью умер в камере.

Государыня отодвинула от себя чашку и теперь смотрела на государя с большим вниманием. Тот отхлебнул из своей, потрогал ус, но вопроса не дождался и заговорил снова:

– Лыкова ждет суд, и его могут приговорить к каторжным работам. Статский советник, со Станиславской лентой... Будет скандально. Владимир Александрович считает, что это подрывает престиж власти. И кроме того, учитывая его прошлые заслуги, следует без лишнего шума прекратить судебное против него преследование. Хватит-де нам Курлова. Вот я и думаю... как быть?

Императрица заговорила наконец, но о другом:

– А почему военный министр просит за чиновника из другого ведомства? Пусть решает Макаров.

– Владимир Александрович объяснил мне это. Макаров настроен по отношению к своему чиновнику особых поручений недоброжелательно. И судит о нем... предвзято. А с военными Лыков провел много секретных операций, особенно против шпионажа. У него – я этого не знал – есть даже Анна второй степени с мечами! Дал еще папа за опасную экспедицию в Дагестан двадцать пять лет назад. Это меня тронуло. Папа лично знал и ценил простого полицейского чиновника в малых чинах... Значит, было за что. И потом, вспомни, Лыков охранял нас на коронации и еще в Нижнем Новгороде, на выставке. Мы доверяли ему свои жизни.

– Может быть, когда-то он был и хорош, – сухо ответила государыня. – Был конь, да изъездили, так в поговорке? Странно, что ты заговорил о Лыкове именно сегодня. Я получила письмо от сестры, она пишет следующее. В Московской пересыльной тюрьме есть арестант по

фамилии Кораблев. Он сделал заявление, что икона Казанской Божией Матери на самом деле не была сожжена в печи этим негодяем Чайкиным. Он лишь наговорил на себя, чтобы сбить полицию со следа. Образ цел и находится в руках старообрядцев. Вот, я сейчас зачитаю...

Александра Федоровна вынула из крохотного ридикюля листок голубой бумаги:

– Ага, здесь... «Икона находится в селении Кимры Тверской губернии, у богатой начетчицы Кочетковой. За двадцать тысяч рублей можно ее выкупить. В деле есть еще торговцы братья Девятовы, они хоть и православные, но доподлинно знают, где образ. Надо сговориться с Кораблевым. Настоятель пересыльной тюрьмы отец Николай Смирнов сам видел икону и держал ее в руках. Его возили с завязанными глазами, чтобы показать. Сейчас вопросом занимается Джунковский⁴⁸. Он порядочный человек, но скептик; с таким настроением Бог не даст ему отыскать чудотворный образ, как не дал Лыкову». Слышишь? Элла тоже помянула твоего чиновника особых поручений. Который не выполнил самое важное поручение в своей жизни. Оттого лишь, что не сильно старался⁴⁹. А ты сейчас хочешь освободить его от заслуженного наказания? У нас, стало быть, уже можно убивать на допросе?

Государь торопливо ответил:

– Нет, конечно. Налей мне еще чаю, пожалуйста...

Суд над Лыковым был назначен на 3 января 1912 года. Все Рождество сыщик ходил в Казанский собор, утром и вечером, и молился. Просил Бога смирить его, помочь вынести неизбежное унижение, не пасть духом. Иногда он клал букетик на могилу Кутузова, разглядывал ключи взятых иностранных городов, представлял себя гусаром, как в детстве. От этого становилось легче, статский советник возвращался домой и вместо коньяка согревался чаем. К Новому году он успокоился, точнее, смирился. Что ж, тюрьма, значит, тюрьма. Ведь он был там уже, почти тридцать лет назад. Когда «демоном» прошел этапами от Петербурга до Нерчинска. А тут исправительный дом. Выделят ему как бывшему полицейскому местечко у окна, с видом на Мойку. Ольга будет ходить так часто, как только дозволяется правилами. И Алексей Николаевич начнет отсчитывать дни и недели. Надеяться на друзей, которые не должны допустить превращения его в мещанина города Варнавина. Беречь спину, внимательно разглядывать каждого встреченного в коридоре арестанта. И тянуться перед надзирателями.

Последнее обстоятельство особенно угнетало Лыкова. Статский советник! Лента через плечо, множество других орденов. И вдруг – в отряд испытуемых, с обязательным привлечением к работам. Он разузнал, чем именно в Литовском замке занимаются сидельцев. Выбор получился приличный. Два года назад там создали обмундировальную мастерскую для войск Петербургского военного округа. Целый этаж отдали под нее в производственном корпусе. Имелось два отдела: сапожный и собственно обмундировальный. Последний, в свою очередь, разделялся на портняжную, бельевую и шапочную мастерские. Может, научат разжалованного сыщика кроить солдатские подштанники? Будет чем заняться на свободе с таким ремеслом. Или податься в сапожники? В исправительном отделении наловчились выдавать по триста пар сапог в день. Работают на немецких машинах «Менус». Производят чернение и жировку кожи! Есть еще какая-то декатировальня⁵⁰

⁴⁸ Джунковский В. Ф. – московский губернатор.

⁴⁹ См. книгу «По остывшим следам».

⁵⁰ Декатировальная машина – устройство для обработки ткани водяным паром или горячей водой для предотвращения ее усадки в готовых изделиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.